

детектив - событие

Евгения Михайлова

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ КРАСОТА

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Разрушительная красота (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Разрушительная красота (сборник) / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2016 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-699-92597-1

Чужая беда всегда рядом, и, если не обратить на нее внимание, завтра она может стать твоей... Оля мечтала выиграть конкурс красоты, но не предполагала, какую цену предстоит заплатить за эту победу... Катя была актрисой и, конечно, грезилась о славе. И вот наконец ее талант заметили, но та роль, что ей предстоит сыграть, не просто сложна, она смертельно опасна... Частный детектив Сергей Кольцов мечтал о долгожданном выходном, но, услышав, как за закрытой дверью плачет девушка, не смог пройти мимо... Зачастую человек сосредоточен исключительно на себе и не замечает, что творится по соседству. Не слышит детского плача, не замечает рыданий одинокого старика, игнорирует чужую боль – ему нет дела до чужих проблем. Но человек остается человеком, только когда он способен прийти на помощь ближнему. Рассказы Евгении Михайловой доказывают, что в этом мире существуют сострадание, взаимовыручка, дружба и любовь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92597-1

© Михайлова Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

В четверг, после дождичка	6
Родинка на колене	18
Пропал кот	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгения Михайлова

Разрушительная красота (сборник)

© Михайлова Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Для меня самый увлекательный и сокровенный детектив – это жизнь вокруг. И в себе самой. Оглянитесь по сторонам, загляните за зеркало – и вы приблизитесь к таким тайнам, драмам и открытиям, которым нет места в криминальной хронике, она для них слишком проста. Это скрытые преступления и войны. Это спрятанные муки и преодоления. Это любовь – самый крутой детектив, самая страстная и томительная тайна, срывающая маски и одежды. И нужна вся решимость и воля, чтобы пойти по следу того, что было. И тогда, как говорит мой частный детектив Сергей Кольцов, «ниточки найдутся, свяжутся сами». И откроется главное событие – правда.

И станет ясно: «хоть убейся, хоть умри, не найдешь верней ответа» (Б. Окуджава)».

Честь имею.

Ваша Евгения Михайлова

*Так оглянись когда-нибудь назад:
Стоят дома в прищуренных глазах,
И мимо них уже который год
По тротуарам шествие идет.*

Иосиф Бродский. «Шествие»

Все события и персонажи новелл вымышленные.

В четверг, после дождичка

Удачно они съездили. Надя выбрала самый красивый холодильник. Темно-серый, полукруглый и сверкающий, как зеркало. Собственно, он и был зеркалом, и Надя так хорошо отражалась в его зеркальной поверхности.

Она долго и продуманно собиралась в магазин. Элегантно, в тон, скромно, но достаточно ярко оделась. Так умеет только она, чтобы скромно и ярко. Конечно, холодильник можно покупать и в джинсах с кедами. Просто это был тот самый случай, когда Наде предложил помощь ее единственный в Москве родственник Андрей. Дальше она обычно делала паузу и набирала воздух, чтобы ясно объяснить знакомым степень их родства. Андрей был сводным братом по отцу троюродной сестры. Умом, что называется, не понять. Но Андрей проявлял искреннее и теплое родственное отношение, особенно ему давались именно хозяйственные дела, которые Наде вообще не давались.

Если Андрей обещал помощь, то он точно ее оказывал. Не сразу, но обязательно вырывался из своего суматошного бизнеса, даже если сама Надя к этому моменту уже собиралась дать задний ход: «А может, в другой раз...»

– Нет, – строго говорил Андрей.

Он приезжал к ее старому дому на очередном «Мерседесе», который внутри был оборудован как космическая станция. Выходил и ждал ее у мусорного бака. Очень высокий, в неприменном черном костюме и белоснежной рубашке. И пока она обувалась, брала сумку, закрывала дверь, он звонил на ее мобильник каждые тридцать секунд. Говорил:

– Я внизу.

В этот четверг Надя насчитала девять звонков и две эсэмэс. Насмешливая соседка, с которой они столкнулись у лифта, одобрительно потрогала ее новый кардиган и сообщила:

– Рояль твой стоит у помойки. Названивает тебе. Вы не в Кремль собрались?

– Нет, Люда, – честно сказала Надя. – Мы просто едем покупать мне холодильник. Я же в них ничего не понимаю, как и во всем остальном. Какого цвета у Андрея сегодня машина?

– Серебристый «мерин».

– То есть я полностью в тон?

– Спрашиваешь!

Доехали они до самого хорошего, по мнению Андрея, магазина спокойно, мягко, довольно быстро. Андрей был серьезен и сосредоточен. Он готовился к выбору холодильника, как к серьезной сделке. А Наде очень хотелось вздремнуть в этом серебристом комфорте. Она поздно легла и рано встала. Потому рано и встала, что приводила себя в порядок: красиво причесалась, подкрасилась, спать в таком виде никак невозможно. Да и неудобно: Андрей выскокил между двумя важными совещаниями. В его фирме все время совещались. Надя поддерживала легкий светский диалог.

В магазине она мгновенно запаниковала. Выбрать холодильник – это невозможно. Их столько! Соседка что-то говорила о высоте, ширине, что-то обязательно должно быть внизу, что-то вверху, – и никак не наоборот. Но Надя ничего не измерила, она уже выбросила из головы, что должно быть обязательным. И тут, как всегда и везде, на Андрея налетели менеджеры и продавцы. Они его чуют за версту. Это покупатель. Он рассматривал все, что предлагали, выслушивал, выносил свой вердикт... И наконец принял решение:

– Вот то, что нужно. Японский, достаточно новая версия, очень вместительный...

Дальше Андрей объяснил Наде все преимущества действительно наверняка отличного холодильника. Цвет к тому же холодильник имел необычный – темно-бордовый. Он был массивный, какой-то непотопляемый, чем-то напомнил Наде председателя их кооператива. Всем

напомнил. Надя, конечно, согласилась. Продавец начал оформлять заказ, и тут Надя увидела этот, зеркальный. И все.

– Нет, Андрей, я передумала. Берем этот.

– Ну, ничего, – сказал Андрей, – фирма хуже, конечно. – Но тут же обратился к продавцам: – Где еще такие, чтобы выбрать?

– Он один, – сказал парень. – И царапина сбоку небольшая. Не очень видно, правда.

– Но он работает? – спросила Надя.

– Да все вроде проверяют.

– Берем, – радостно и облегченно сказала Надя Андрею. – И уходим отсюда.

– Точно? – с сомнением переспросил Андрей.

– Точно. Я влюбилась в него. А остальные смотрят на меня как монстры, которые хотят задушить и заморозить.

– Ужас, – спокойно сказал Андрей. – Оформляем.

Путь обратно всегда был другим. Андрей после сделанного дела хотел поговорить по душам. Обо всем. Видно, не очень у него разговорчивая жена, то есть она точно не такая. На работе некогда. А с Надей ему хотелось всем делиться, хотя они почти никогда не сходились ни во вкусах, ни во взглядах, ни в знаниях. Но она давно уже старалась свои выводы сдерживать, чтобы не обижать его. Факт остается фактом: она ему седьмая вода на киселе, но он явно считает ее родней.

То, о чем Андрей говорил, – взволнованно и страстно, как о самом важном в жизни, – было однозначно энциклопедией глупости. Не ответишь, даже если сильно захочешь. Но ему все это было необходимо додумать и высказать. Он забывал о дороге и смотрел вопросительно на Надю. А она смотрела на его лицо – лицо уверенного и довольного жизнью мужчины – и в карие глаза, в которых появлялась эта невыносимая для нее детская растерянность перед обилием фактов, событий, прочитанной где-то информации. Он храбро и прямо шел по жизни, завоевывал деньги, комфорт, карьеру... А его маленький мозг, как в детстве, наверное, не справлялся с работой – думать. Просто вот так думать, бесплатно и не для карьеры. Андрей ловил взгляд Нади и спрашивал через каждую фразу:

– Но так же по теории? Так же по логике?

Это было абсолютно не так. Но дело не в этом. Надя жалела Андрея так остро, что не знала, как его успокоить и утешить. В школе она так жалела мальчика-левшу, которого обижали учителя, а родители били по левой руке, чтобы он отучился ею писать. Не получались у Андрея ни теория, ни логика, а человек такой хороший. И рано или поздно происходило вот это – он начинал метаться взад и вперед по дворам, хотя дорогу-то, по идее, знал прекрасно, но от волнения где-то не там свернул. И через какое-то время Надя уже сама не понимала, где они находятся. Андрей обращался к навигатору, который сначала уверенным женским голосом говорил: «Направо, налево», а потом, как заколдованный, умолкал. В такие моменты Наде начинало казаться, что навигатор однажды произнесет: «Андрей, я от тебя сошел с ума».

Но чудеса случаются, и на этот раз они все же оказались наконец у мусорного бака возле Надиного дома. Она дружески сжала его руку.

– Как отлично мы съездили. Ты выбрал то, что нужно. И потом прогулялись по району, в котором я, кажется, никогда не была.

Андрей радостно улыбнулся и сказал:

– Только обязательно позвони, когда привезут. Если что-то не так – сразу поменяем.

К себе в квартиру Надя влетела после короткой пробежки под сильным ливнем, который внезапно пролился с неба, совсем недавно такого ясного. Месяц май... Дома она встряхнулась, сбросила промокшую одежду, косметику смыл ливень, а волосы Надя оставила сушиться на их усмотрение. Она обнаружила две не очень приятные вещи. День закончился. Они прокружились до вечера. И ужасно разболелась голова. Холодильники, теория, логика, безумный нави-

гатор и этот ливень ее добила. Надо бы выпить кофе, но он закончился. Надя постояла у окна, подождала, пока стихнет дождь, влезла в джинсы, резиновые сапоги и выскочила из дома в ближайший магазин. Воздух благоухал от того, что его так классно постирали. Надя подумала, что она вышла после дождичка в четверг. Так совпало. Сегодня именно четверг.

До магазина можно было дойти по дорожке вдоль аллеи, но небо как-то совсем нахмурилось и задышало грозой. Надя побежала через сквер, так вообще несколько минут. Между деревьями, кустами, по лужам и молодой траве. От грома она вздрогнула. Потом сверкнула молния. Опять гром, уже сильнее. Молний Надя боялась с детства. Затормозила. Куда бежать – вперед или назад, домой? Магазин уже ближе, чем дом. Раз вышла... Но тут, видимо, грозовые облака налетели на небесную бочку с дождевой водой. И Наде на голову хлынул уже поток. Она почти ничего не видела, сбилась с шага, налетела на кусты. Посмотрела на свою хозяйственную сумку. Она же, как всегда, ее забыла закрыть. И теперь кошелек, в котором, кстати, карточки, уже плавают. Надя зафиксировалась у березы, выудила кошелек, сунула его в карман джинсов, попыталась исправить немного ситуацию с сумкой... И тут увидела это. За кустом валялся черный кожаный рюкзак, такие носят через плечо мужчины и подростки. Недалеко школа. Рюкзак явно не пустой. Его мог выронить ребенок, испугавшийся грозы. Мог потерять соседский ребенок. Надя решила посмотреть, может, там тетради с фамилией, да и в любом случае надо вынести находку на видное место. Она подняла рюкзак и расстегнула липучки.

Елки-палки-моталки! Это какой-то ужасный четверг, дикие холодильники и ненормальный дождь. Зачем она выползла из дома, как будто заразилась чем-то у навигатора Андрея? Зачем она открыла эту чужую сумку, которая набита пачками денежных купюр?! Это же проблема. Что делать? Надя судорожно проверила все карманчики, нашла какой-то ключ и карточку сбербанка. Самую дешевую или бесплатную карточку, на которой нет фамилии владельца. Надя в растерянности пошла к фонарю, который мигал от того, что он не водопадающий.

Ну, и что она может тут увидеть?.. Ничего, кроме знакомой ситуации. Блок, ночь, улица, фонарь, аптека... Которая ей бы сейчас не помешала, хотя головная боль прошла. Так. А собственно, о чем тут думать. Раз день прошел под знаком Андрея. У него же всегда есть решения вопросов, не связанных с теорией. Телефон, к счастью, не разрядился, да и дождь явно устал. Бодрый голос Андрея, который в это время, конечно, еще торчит в офисе, сразу подействовал, как слово «аптека». Надя объяснила ситуацию.

– Срочно носи эту сумку в полицию. Там разберутся.

– Андрюша, – постаралась спокойно сказать Надя. – Ты, конечно, знаешь, как должно быть, но я знаю, что бывает иначе. Пойми меня правильно. Я сдуру нашла сумку, в которой чужие деньги на что-то очень важное наверняка. В сумке ключ. Что-то случилось с владельцем. Понимаешь? Это вот на минутку стало моей проблемой. И я не собираюсь отдавать чужие деньги людям, которые мною не являются. Мое дело – отдать владельцу.

Андрей что-то рассказывал про порядок и законы, но Надя его перебила:

– Извини, но я тону в болоте в буквальном смысле. По щиколотку в воде. Я простуживаюсь. Послушай, пожалуйста, что ты можешь сделать. Только ты это можешь. Твоя фирма работает со сбером. Запиши, пожалуйста, номер карты и, еще более пожалуйста, соври ради меня. Скажи, что сумку с карточкой оставили в твоём офисе, кто-то из клиентов, к примеру, про деньги можно не говорить. Пусть скажут фамилию и адрес. Ты понимаешь, это же могут быть мои соседи. Кому-то, допустим, стало плохо.

– Это могут быть грабители, – непримиримо сказал Андрей.

– Конечно. Но, не узнав, кому принадлежит карта, мы не узнаем и о том, кого ограбили. Андрей, так по теории и логике, поверь мне.

– Хорошо, сбрось мне номер. Вылезай из болота, встань на сухое место, я перезвоню.

Надя осталась ждать в луже. Какая разница уже. Курт Воннегут писал: «Ежедневно делайте что-нибудь из того, что вас пугает». Но не в такой же степени. Она хочет домой, она уже не хочет кофе, только залезть под одеяло.

– Все, как я и думал, – значительно произнес Андрей, перезвонив. – Деньги краденые. Но ты права в том, что владелец карты живет рядом. Возможно, он и есть грабитель, да еще наркоман и алкоголик. Украл и потерял.

– Из чего такой вывод?

– На этой карте две тысячи рублей. Последний приход был месяц назад. Большой суммы, как ты описала по объему, там не было отродясь. Сегодня точно ничего не снимали. Иди в полицию.

– Андрюша, продиктуй мне фамилию и адрес, пожалуйста. Я обещаю тебе из дома рассказать, какие еще возможны варианты. Они возможны. Но сейчас я растворяюсь и хочу уплыть, понимаешь? Я устала.

– Ты не доверяешь полиции?

– Вопрос ставится иначе. Я не обязана кому-то доверять. Кроме тебя, конечно. Мое дело – помочь встретиться владельцу с этим чертовым рюкзаком. И узнать, что с человеком случилось.

– Хорошо. Если ты не доверяешь полиции, я сейчас подъеду с сотрудниками собственной безопасности.

– Ты можешь как-то успокоиться? Ты в двух часах от меня, твоя собственная безопасность неизвестно где, а человек, потерявший деньги, – рядом. Понимаешь? И этот человек вряд ли мечтает встретиться с какой-то армией. Какой адрес?

– Конечно, он не мечтает... Ему ли об этом мечтать. Но раз ты настаиваешь. Мы проезжали сегодня, ты еще сказала, что дом обложили разноцветными квадратиками, я посмотрел адрес. Это тот дом. Владелец карты Егор Сергеевич Васильев. Квартира сто пятьдесят шестая. Но я тебя не понимаю. Ты действительно собралась идти туда одна? Это мужчина. Повторяю, он может быть наркоманом и маньяком, раз потерял украденные деньги.

– Ну, если он потерял такую сумму, то, надеюсь, мне ничего не угрожает, – ушла Надя от темы логики.

– Сбрасываю тебе его мобильный телефон. Скажи в случае чего, что мы его найдем везде. И обязательно мне звони. А я – тебе.

– Конечно. Спасибо. Только не начинай звонить через тридцать секунд.

На месте она была через десять минут.

С Андрюшей только вокруг этого дома они кружили не менее получаса. Надя набрала номер Васильева, ей ответили. Не слишком приветливо, а когда она объяснила, в чем дело, была пауза. Надя вдруг подумала, что Андрей мог быть и прав. По теории вероятностей его версия не исключается.

– Неожиданно, – сказал Егор Сергеевич Васильев. – Я как раз собирался выйти поискать. У меня проблема. Вы сможете подняться? Я домофон открою. А квартира практически открыта. Дверь пришлось выбить. Ключ у вас, то есть в рюкзаке.

– Да, я поднимусь, – сказала Надя, понимая, что идет к грабителю, маньяку и, возможно, наркоману, хотя голос и дикция нормальные. Но она не знает, меняется ли от наркотиков дикция.

Позвонил Андрей.

– Я пришла к дому. Хозяин на месте, по своему адресу. Поднимаюсь. Сама тебе позвоню.

Так, пришла. Мама дорогая! На пороге квартиры с открытой дверью стоял высокий стройный парень с головой, обвязанной какой-то тряпкой, похожей на кусок простыни. Тряпка была в крови.

– Кошмарный вид? – улыбнулся парень. – Как говорится, бандитская пуля. Точнее, монтировка. Заходите.

Надя нерешительно вошла в прихожую, он, взглянув на ее лицо, вообще не стал прикрывать входную дверь. Она протянула рюкзак.

– Я, конечно, не считала, сколько там. Подумала, что что-то могло случиться с владельцем. Ваш адрес и телефон узнала через родственника, он в банке по карте выяснил. Кажется, он был во всем прав. Теперь я вижу. Он говорил: надо отнести в полицию. Не знаю, но, возможно, они бы уже задержали бандита. Кстати, мой родственник со мной на связи, он предлагает приехать с работниками управления собственной безопасности. Может, нужно?

– Как вас зовут?

– Надежда.

– Не нужно, Надежда. За то, что не отнесли в полицию, в наш опорный пункт, – отдельное спасибо. Знаю, кто там сегодня дежурит. Я – не жадный, но такой подарок он не заслуживает.

– Но... что-то же нужно делать в такой ситуации?

– Надя, у меня только одна просьба. Давайте пойдем на мою кухню, я хотел бы просто сесть. Больно вообще-то. Там есть немного спирта, я его глотну в качестве болеутоляющего. Да и вы не в самом лучшем состоянии. Вы – мокрая до нитки и, похоже, дрожите не от холода, а от страха. Выпейте хотя бы чаю. И потом вам положен процент с найденной суммы. Не вздумайте отказываться. Я, как ваш родственник, тоже знаю, как полагается. Дело в том, что я и есть полиция. Следователь. Капитан Васильев. Эти подонки меня просто подстерегают не в первый раз.

– Они хотели вас ограбить?

– Да нет, вряд ли знали, что у меня там деньги. Я увидел их и сам бросил сумку в кусты. Вытащил пистолет. А кто-то огрел сзади... Я вырубился. Тут шел сосед из магазина, они убежали, он дотащил до машины, дальше я уже сам дошел, тут-то и вспомнил, куда бросил рюкзак.

– Может, «Скорую»?

– Да нет. Я бы и так справился, но раз вернулись ко мне деньги, завтра все у меня будет... Потом объясню. Прошу, мадам, мадемуазель?

– Старая дева, – кивнула Надя.

– Удачно. Я – еще более старый холостяк. Вам лет двадцать пять?

– Двадцать восемь.

– А мне уже тридцать четыре.

Как же это... Не могла Надя решить, в какой переплет она попала. А переплет налицо. Она сначала просто хотела купить кофе, потом просто вернуть деньги хозяину. Она это сделала. И вот теперь сидит на кухне этого окровавленного холостяка и капитана и второй раз за день не знает, что ей делать с этой своей неуместной, нелепой и такой острой жалостью. Но это же не Андрей, который в промежутках своей благополучной жизни мучается тоской по теории и логике. Этот, как назло, умный и ужасно симпатичный Егор – и он в большой беде. Но Андрей – родственник, сводный брат по отцу троюродной сестры из Самары, а Егор – совершенно чужой человек. Сколько бед проходит мимо каждого из нас по улице ежедневно.

В общем, такая оказалась история. Сняли в районе подозрительные люди квартиру. Потом там, судя по всему, организовали притон. Егор пытался с этим что-то делать, дело завести, но его инициативу обрубили на корню. Он не спорил. Не первый и не последний притон в Москве. Но потом увидел, как два мужика тащили туда школьницу после уроков. Срежь бела дня! Отбил, один убежал, другого повез к мировому судье. Та с искренней добротой во взоре посмотрела на задержанного и спросила по-женски, по-матерински:

– Вы приехали из Узбекистана. Наверное, у вас там много детей?

– Много, – кивнул тот.

– Сможете заплатить штраф пятьсот рублей?

– А что делать...

Они вышли вдвоем, Егор и оштрафованный. Тот посмотрел на следователя нагло и насмешливо, порвал на мелкие кусочки квитанцию и бросил клочки Егору под ноги. Яснее ситуации быть не может. Егор проверил через информаторов клиентов притона, все встало на свое место. Какие надо клиенты. Но он не сдался. Стал собирать досье, стал ловить на чем-то: наркотики в машинах, которые там останавливаются, сами машины не всегда принадлежат человеку за рулем... Все его попытки гасились на разных уровнях. А они начали отвечать. Подстергать. В этот раз получилось так.

А деньги... Это же вообще ужасный ужас – Наде было больно об этом думать. На очередной диспансеризации обнаружили у Егора на легком, рядом со сломанным когда-то ребром, образование. Сказали – быстро оперировать. Поскольку неясно до операции, онкология или нет, операция платная. Мать, которая живет с его сестрой в Питере, – обе на его иждивении, сестра осталась без работы, – срочно переписала на него свой маленький деревенский дом в Подмосковье. Продать, казалось, нереально. Дом без отопления, удобств, участок крошечный. Все запущено. Знакомый риелтор нашел таких покупателей, которые сами в беде. Что-то у них где-то сторело. Приехали с маленькими детьми, нужно срочно за что-то зацепиться. Работы у пары пока нет. Привезли сбережения нескольких лет в довольно мелких купюрах, просто побоялись переводить на его счет. Вдруг начнут проверять «законность». Риелтор сказал: нормальная практика. Многие так рассчитываются. Сделал все быстро. Вот Егор и получил деньги... Восемьсот тысяч рублей... Риелтор сказал, повезло, что так дорого продали. Утром Егор должен был ехать в клинику.

Надя сбегала все же в аптеку, купила хлоргексидин, йод, бинты. Обработала и перевязала рану. Он посмотрел на нее... Да, беспомощным, растерянным взглядом таких красивых серых глаз. Ох.

– Егор, а ты вообще такой везучий? – не выдержала она. – Ребро, легкое, голова...

– Сейчас понимаю, что да. Везучий. Деньги на мою операцию принесла мне такая прелестная старая дева... Первую помощь оказала. Ты не медсестра?

– Нет, литературный редактор. Читаю много книг, иногда очень хороших. Перевожу кое-что. Иногда пишу рецензии.

– О как! А я вот решил стать ментом. Детективов начитался. Юридический закончил. Получаю, конечно, по полной программе. Но я не самый тупой мент. Мама у меня как раз учительница литературы. Так что хорошие книжки и я читаю. И знаю, как называется цвет твоих волос: «цвет опавших листьев». Как у Ирэн Сомс... И вообще похожа. Только глаза у тебя не карие, а зеленые. По-моему, так красивее...

– Да, цвет волос называется именно так. Я тоже люблю Голсуорси, особенно «Сагу о Форсайтах». А она... Какой шикарный комплимент ты мне сказал. Слушай, может, все обойдется? Может, справимся?

– Как ты сказала?

– Никак. Не обращай внимания. Завтра приеду к тебе в клинику. А сейчас мне нужно домой, нужно поговорить с родственником по серьезному делу. Он ждет.

Надя увидела, как Егор потянулся к рюкзаку: процент ей сейчас начнет отсчитывать.

– Я поняла. Свой процент возьму потом. Я никогда не спорю с мужчинами. Пока. Звони. Дома Надя позвонила Андрею. Тот ждал. Она рассказала все как можно детальнее.

– Да, печально, с одной стороны, – сказал он, – но с другой – как ему повезло, что ты нашла эти деньги.

– Да, он тоже считает, что повезло. Андрюша, у меня большая просьба. Отмени заказ на холодильник. Я посмотрела сейчас цены на все – операция, лекарства, пребывание в стационаре, поговорила с соседкой, которая все знает. Она говорит, бесплатно там никто ничего не

сделает. Короче, если все плохо, Егору не хватит ни на что. У меня тоже не густо. За какую-то работу не получила, какую-то не успела сделать. Ничего, пока старый холодильник тикает.

– Надя! Я в шоке! Ты собираешься помогать деньгами незнакомому человеку?

– Ну, он потом вернет. Он даже процент все порывается дать с найденной суммы. Просто, когда начинается такая история с хирургией, возможной онкологией, нужно быть готовыми ко всему.

– Да... Ты случайно не влюбилась в него, как в холодильник?

– Именно так. Он тоже с царапиной.

– Теперь яснее. В общем, жди с утра моего звонка.

Утром Надя встала очень рано, приняла душ, помыла голову, уложила волосы, подкрасилась. Выбрала сразу, без обдумывания, разные вещи, из которых получился элегантный и эффектный наряд, никто бы не поверил, что это стоит смешные деньги. Выпила крепкого чаю, поскольку кофе так и не купила. И села на диван неподвижно – ждать Андрея. Без мыслей, без планов, без своего непреходящего волнения. Какое, оказывается, у нее в жизни есть прекрасное, стабильное, позитивное занятие – ждать Андрея.

Он позвонил ровно в девять.

– Привет. Мы внизу. Открой, пожалуйста, подъезд и дверь квартиры.

Надя нажала кнопку домофона. «Мы...» Наверное, он такой заботливый, что привез ей кого-то, кому она подпишет отказ от холодильника. Вероятно, это требуется, хотя непонятно зачем.

Из грузового лифта вышло какое-то большое количество мужчин. Двое вошли в квартиру и молча прошли в кухню, взглянули на старый холодильник.

– Так мы его уносим, да, хозяйка?

– Да-да, – ответил Андрей и, посмотрев протянутую ему бумажку, расплатился с ними, явно точно, потому что давал и мелочь.

Надя просто спряталась, пока три других человека втаскивали в прихожую огромную коробку, развязывали, отклеивали, наконец показался тот самый, зеркальный холодильник. Андрей руководил, как его лучше внести, как поставить. Затем внимательно читал документы на него, расплатился карточкой.

– Надя, иди сюда, – позвал он. – Распишись тут, что ты довольна доставкой. Возьми чек и обязательно сохраняй. Холодильник не трогай. Я оплатил и мастера, который завтра приедет и включит его.

– Андрюша, – сказала Надя: – разве холодильник не включается вот этой вилкой в эту розетку?

– Он именно так и включается. Но это должен сделать профессионал. Ты можешь сделать неправильно, кстати, розетки у тебя ужасные. С холодильником может быть что-то не так, и тогда тебя обвинят в том, что ты его сломала. Все очень серьезно, Надя.

– Ну, да. Обалдеть. Спасибо тебе, конечно. Но я деньги обязательно верну.

– Можно сейчас не начинать? Выпусти людей. И поехали. Я перенес заседание.

– Куда поехали?

– Ты же сказала, что тебе нужно в клинику.

– Я так сказала? То есть я так сказала, но собиралась доехать на автобусе или такси. Это недалеко.

– Ну, раз я здесь, это же глупо – ехать на автобусе или такси.

Ехал он, как всегда в сторону дела, сосредоточенно и нормально. Хорошо ориентировался. Потом вдруг взглянул на Надю и строго спросил:

– Надя, а почему ты не замужем и ни с кем не встречаешься? Ты же очень красивая. Рыжая, с зелеными глазами.

– Спасибо, не ожидала от тебя. Только цвет моих волос называется цветом опавшей листвы. Еще у одной женщины такие были волосы. Из книги. А почему ты думаешь, что я ни с кем не встречаюсь?

– Мужских тапочек и вещей у тебя нет. Зубная щетка в ванной одна.

– Вот теперь я понимаю, почему тебе дается карьера. Ты так хватаешь детали и владеешь ситуацией. Я горжусь тобой. А одна я, потому что так решила. Был серьезный роман еще в институте. Еще мама была жива, жили мы втроем тут. В общем, плохой это был опыт, очень тяжелый, по-моему, он мамино сердце и добил. И я решила, что повторять его не стоит. Старой девой жить гораздо комфортнее. Так у меня вышло по теории и по логике.

– Понятно. У тебя не очень хорошо с теорией и логикой. Я давно это заметил. Я часто задаю тебе вопрос: «Как ты считаешь по теории и логике?»

Ты всегда говоришь, как школьная двоечница: «Не зна-а-а-ю».

Надя взглянула на Андрея почти с восторгом. Еще вчера она, услышав от него такую фразу, долго бы хохотала, оставшись одна. Сейчас настроение почему-то тяжелое. Тем более они приехали в клинику.

В клинике все было практически то же самое, что и в магазине холодильников. Все почтительно окружили Андрея. Вышел и заведующим, и хирург, и старшая сестра. Надя заскочила в палату, куда уже поместили Егора. Маленькая, душная палата, немало коек. Егор сидел на подоконнике и играл сам с собой в шахматы. Выглядел очень печальным. На Надю посмотрел, как будто совсем не верил, что она действительно придет, хотя она звонила и утром, и с дороги.

– Привет, – подошла она. – Я тебе ничего не привезла. Там мой родственник говорит с врачами. Может, операция сегодня или завтра, тогда тебе ничего нельзя. Егор, ты не волнуйся. Раз здесь Андрей, можно успокоиться. Он все сделает, как надо. Он такой. Ты у него – второе дело за утро, а сейчас еще и совещание. Срочное и важное.

– Что-то удачи пошли косяком, – засмеялся Егор. – А кто он тебе?

– Андрей – сводный брат по отцу моей троюродной сестры из Самары.

– Блеск. Если меня, к примеру, тут не зарежут и я когда-то женюсь на тебе, то Андрей будет мне сводным братом по отцу троюродной сестры из Самары моей жены.

– Надя, – заглянул в палату Андрей. – Я опаздываю. Нам нужно договорить и быстро ехать. Добрый день, Егор Сергеевич.

– Здравствуйте, Андрей.

– Я обо всем договорился. Операция у вас завтра. Удачи.

– Спасибо.

В машине Андрей сказал Наде:

– Сейчас я сброшу тебе номер перевода и сумму, которую я им заплатил. Я заплатил, как делаю всегда. До сделки, то есть операции, – половину. После операции – вторую. Когда создадут нормальные условия, по другому тарифу рассчитаем стационар.

– Андрей, мы все тебе вернем, конечно. Но сам факт, я даже не благодарю. Ты не родственник, ты родной человек. Вот эта сумма – половина за операцию?

– Да.

– То есть вся операция вдвое дороже? И всего такая сумма?

– Надя...

– Я к тому, что у Егора запросили предварительно за операцию значительно большую сумму. Даже не в два раза.

– И я понимаю почему. Пусть он и следовательно, но ты же сама видишь, как он склонен к необдуманным поступкам. Я его не осуждаю, но так по логике.

– Он, конечно, не очень правильный, но я вообще не слышала никогда, чтобы за операцию можно было платить как за сделку. Такое могло произойти только с твоей помощью. Вот что значит – выглядеть на миллион долларов. Это значит, что тебе сделают скидку раза в три.

Надя позвонила в отделение поздно вечером. Ей сказали, что операция утром. С ней говорили так охотно и приветливо, как говорят только под знаком Андрея.

– Ой, – сказала старшая хирургическая сестра. – А мы уже и сами отзвонились Андрею Владимировичу, думали, он вам уже сказал. Ему все объяснил хирург, сейчас он уже ушел, я тогда не буду сама отчитываться, хорошо? Конечно, приезжайте завтра во второй половине дня, мы вам подготовили постоянный пропуск, Андрей Владимирович сказал, как вас зовут. За что вы благодарите? Это наша работа. Жене положен постоянный пропуск и полная информация.

...Так. «Жене». Егор не мог с ними даже так пошутить, Андрей в принципе не выдает неверной информации. Просто – никуда не денешься от его определений, – по логике получается, что люди, которые платили за операцию, и есть основные родственники.

Полдня она потратила на очень важное занятие: Надя волновалась. Днем она совершила свой ритуал преображения, в одежде выбирала светлые, вселяющие надежду тона. В кухне кивнула приветливо сверкающему холодильнику, который еще не воткнул профессионал в розетку. Он, правда, был пуст. И что характерно, чай тоже закончился. Надя на секунду задумалась, хороший ли это знак, когда все кончается? Собственно, скоро узнает. Она еще раз, уже сочувственно, кивнула холодильнику, у него был такой изумленный вид: «Куда я попал?» Надя нашла в контактах любимый номер – агентство такси, – набирать не стала. Посмотрела, сколько денег в кошельке и на карте, и поехала на автобусе.

В бюро пропусков в больнице ее ждал пропуск, за ней спустилась медсестра, ее с почестями провели в кабинет усталого хирурга. Ей, наконец, принесли кофе! Так встречают в наших больницах, наверное, только английскую королеву, что не факт, и человека, который имеет отношение к Андрею. Вот это факт. Хирург показал все документы, снимки, результаты анализов. Проводил до двери и за что-то поблагодарил. Надя чуть не сказала: «Не стоить. Обращайтесь».

А в чем дело? Андрей же, кроме оговоренной суммы, не заплатит и ста рублей. Да все в том же. Аура. Она деньги врачу не сможет дать и не знает, сколько. Может, подарок? Надо посоветоваться с соседкой. Кстати, а где деньги Егора? Он же собирался с ними приехать. На всякий случай с большей частью суммы. К нему никто не должен был ходить... Мать и сестра не смогли приехать.

Медсестра проводила Надю до палаты Егора.

– Пока прежняя. Мест у нас, как видите... Но мы все делаем, как договорились с Андреем Владимировичем. Отдельную палату освободили, там убирают, она маленькая, но есть все удобства и балкон.

– Отлично. Надеюсь, вы не выписали из-за нас оттуда больного человека или не перевели его в общую?

– Как вы могли подумать, Надежда. Конечно, пациент в хорошем состоянии, уехал домой по графику. Андрей Владимирович может проверить.

Елки-палки-моталки, это уже напрягает. Надо сказать Андрею, чтобы он прекратил их зомбировать. Но вообще-то...

– Привет, – сказала Надя, когда подошла к кровати Егора.

Он был очень бледным, глаза закрыты. Но не спал, тут же посмотрел на нее.

– Привет, боевая подруга. Кофе купила, наконец?

– Нет еще. Мне здесь его дали. Я была у твоего хирурга. Кстати, для тебя готовят отдельную палату, с балконом. Сегодня переедешь.

– А в чем дело?

– Ни в чем. Андрей так договорился.

Егор долго молчал. Надя тоже.

– Добрые вы люди, – произнес он. – Вам все сказали, и вы решили мне, как найденьшу, отдать последние почести? Надя, все очень плохо?

– Плохо, – азартно сказала Надя. – Ты со сломанным ребром к врачам не обращался. Ты с ним ходил, с таким, разбитым на кусочки, ребром.

– Какие еще кусочки?

– Ну, один. Он и впился в твое легкое. Это образование – инородный предмет, Егор! Его аккуратно вынули и, когда будешь выписываться, тебе его отдадут на память. Шрамик после операции заживет быстро. Этого кошмара больше нет, ты понял?

Егор на секунду прикрыл опять глаза. Надя достала из сумки платочек и вытерла со своих глаз красивую подводку вместе со слезами.

– В общем, еды я тебе опять не принесла, еще нельзя. И мне надо быстро домой: приедет профессионал втыкать в розетку мой новый холодильник.

– Не понял?

– И не вникай. Так положено, сказал Андрей. Да, а где твои деньги, с которыми ты приехал?

– То есть как – где? Операция же, палата с балконом...

– У тебя взяли деньги?

– Нет, просто сказали, что стоимость будет ясна в зависимости от сложности. Я в это время, ясно, еще под наркозом должен быть. И потом все было неясно. Я просто отдал рюкзак с деньгами, чтобы они положили в сейф, сейчас они посчитают, я заплачу.

– Да, следовательно ты, конечно, неправильный. И в этом Андрей прав. Они не считали, потому что Андрей заплатил, как за сделку – половину до и половину после.

– Дела... Слушай, возьми рюкзак и отдай деньги Андрею.

– Возьму. Тем более в больнице все считают, что я твоя жена. Только Андрею не буду отдавать. Сам рассчитаешься. Вот в моем смартфоне – все расчеты на сегодняшний день.

– То есть?..

– Ну, да. Оказалось, это дешевле значительно, чем сначала тебе сказали. Егор, знаешь, не хочу я брать этот рюкзак. Я его просто ненавижу, столько с ним страху натерпелась. Сам возьмешь вместе с осколком ребра.

– Нет уж. Ребро, так и быть, возьму. Из него появилась моя Ева. А рюкзак с деньгами заberi, как жена. Тут уж... Назвался груздем – полезай.

– Я не называлась.

– Тем более. Судьба, мать.

...Когда через несколько месяцев Надя и Егор отнесли заявление в ЗАГС, Андрей сказал Наде, что хорошую нормальную двуспальную кровать может выбрать только он. Долго объяснял, что и каким там должно быть.

Утром – привычный ритуал сборов и ожидания. Звонки от мусорного бака, Андрей, похожий на рояль, мягкий путь в магазин, та же сцена у фонтана на месте. Выбрали то, на что упал в последний момент взгляд Нади, после того как уже начали оформлять какое-то царское ложе. Путь обратно. Андрей вопросительно смотрит ей в глаза.

– Вы уже отнесли заявление?

– Да.

– Ну, это еще ничего не значит. Там же обязательный испытательный срок. Его непременно нужно выждать.

– Ну, да. Выжидаем без проблем. Егор в очередной засаде. У меня три параллельные работы.

– Понятно. Я к тому, что... Надя, ты меня извини, но раз ты поменяла решение и больше не хочешь оставаться старой девой, то есть столько мужчин, таких, как положено. С деньгами, карьерой, что называется, все включено. И не нужно три работы, эти засады, которые кончатся проломленной головой. Может, подумаешь? У тебя ведь испытательный срок. Ты всего раз была у меня в офисе, а один наш партнер, ты его знаешь, конечно, он известный деятель, он до сих пор о тебе спрашивает. Очень заинтересовался. Сейчас он в разводе, кстати.

– Это Думцев, что ли? Я тогда его узнала, фотографии по всему Интернету.

– Да. Ты только не читай всякие глупости: ворует, то, се. Я лично его знаю. Честнейший человек. Я вообще удивляюсь, как можно вот так взять и обвинить человека. Для этого его же нужно за руку схватить, да? Так по теории? Ну, по логике так?

И опять этот момент. Беспомощные карие глаза, детская растерянность. И острая жалость. Ну что, рассказывать ему, что честнейшего человека уже миллион раз хватали за руку, что скрины документов о недвижимости по всему миру не видел только слепой. И Андрей. Что Думцев потому и в разводе, что его домохозяйка без образования стала владелицей огромного состояния после громкого скандала. Что есть открытые источники собственников, где можно найти и Букингемский дворец, и Надину старую квартирку, и однушку Егора, и его, Андрея, не безумно шикарную, но такую, как положено, квартиру... И особняки Думцева. Что этот Думцев светится со своим воровством, как последний идиот: требует, чтобы сведения о собственности чиновников засекретили. Тут-то им и заинтересовался Фонд по борьбе с коррупцией, выкладывает регулярно виды его дворцов снаружи и изнутри, караваны его самых дорогих в мире автомобилей. Международные организации по борьбе с коррупцией находят все новых и новых подставных лиц, на которых оформлены вклады в разных странах. По сравнению с этими суммами состояние его домохозяйки – это тьфу. Кое-что уже заблокировано. И прочитать все это можно в любой сводке новостей. И, наконец, что этот Думцев страшен, как невеста что... Но Андрей с ним беседует, он испытывает добрые чувства к людям, с которыми как-то связан. Он им верит на слово. А если Надя приведет факты, которые подтвердит хоть генеральный прокурор, и ему будет плохо. Это разрыв шаблона. Это разрушение порядка. Думцев того стоит?

– Андрюша, ты знаешь, что я доверяю только твоим рекомендациям. И я ничего не читаю – ни глупости, ни умности. И телевизор я выбросила, он не работал. И, конечно, Думцев – тогда мне показался приятным человеком. Просто люблю я именно Егора. Это как-то все решает, да?

– Да, – с сомнением сказал Андрей.

– Кстати, тот притон, из-за которого Егору пробили голову, все-таки взяли. Начальство поменялось, кто-то, как говорит Егор, спалился, и пригодилось его досье.

– Ты в это веришь?

– Я это видела. Это в соседнем доме. Выводили бандершу, большое количество «девочек», полуодетых мужиков. Нашли наркотики и несовершеннолетних мигранток.

– Может, это была какая-то учебная операция? Постановка?

– Наверное. Они потом вышли на поклон, и я увидела у всех ангельские крылья.

– Что? – глаза Андрея стали нестерпимо жалкими, почти испуганными.

– Это я пошутила, Андрюша.

– А, – облегченно вздохнул он, и Надя просто видела, как его мозг отталкивает неприятную информацию. Он любит своих детей, он жалеет детей в принципе и, конечно, сейчас для себя решает, что именно слово «несовершеннолетние» и было Надиной шуткой.

Они тем временем уже кружились по какому-то двору, в который непонятно как попали, вроде бы он заперт со всех сторон. Занервничал навигатор... Все когда-то кончается. Вот и родной мусорный бак. Надя сжимает руку Андрея.

– Как удачно съездили. Я бы без тебя никогда не выбрала.

– Когда привезут, я приеду посмотреть. Ты не справишься. Егор... с этими засадами – тоже.

– Спасибо тебе.

– Да брось. А что значит, ты без телевизора?

– Он мне не нужен. Мне некогда его смотреть.

– Нет. Так не бывает. Он нужен. Так ненормально. Я выберу день, и мы поедем.

– Поедем, – сказала Надя сначала без энтузиазма, а потом, взглянув в ждущие ответа глаза Андрея, добавила: – Родной ты мне человек, а не сводный брат троюродной сестры. Так получается по теории и по логике. Ты доволен, что я на что-то посмотрела с этой точки зрения?

– Ну, да, – Андрей сначала растерялся, а потом рассмеялся, счастливо и удовлетворенно. Это был порядок.

Родинка на колене

Лена блаженно потянулась в горячей ванне, потом согнула ноги в коленях, пару раз поднялась, опираясь на пятки: так она тренировала мышцы живота. Тут же стало лень. Лена устроилась поудобнее. Машинально подняла над шапкой пены правую коленку. Розовую, круглую коленку с маленькой, идеально круглой родинкой. Взглянула и долго не могла оторвать взгляд. Серые глаза потемнели, как в моменты волнения, тоски или гнева. Просто точка. И был период в жизни Лены, когда она со своим стопроцентным зрением убедила себя в том, что родинка исчезла. Стерлась. Она ее не видела. Есть ли психолог или психиатр, способный проанализировать, до какой степени отчаяния дошел человек, которому удалось обмануть собственное зрение? И вот она опять увидела эту черную точку на своей коленке. Лена легонько смахнула родинку рукой, как муху. Так всегда делал он. Это была не шутка. Это был ритуал.

...Когда она защитила диплом, выпускникам журфака МГУ устроили собеседования с потенциальными работодателями. По факту это был кастинг. Приезжали серьезные люди из редакций газет, с телеканалов, из издательств. Сидели за длинным столом, каждый выпускник заходил отдельно, ему задавали вопросы, его рассматривали. Лена получила несколько приглашений. Идей тогда не было никаких. Она была в клубке личных проблем. Она из тех, кто такие клубки быстро заматывает, а потом болезненно и с трудом распутывает и выпутывается. Советы давали однокурсники-«стажники», взрослые люди, которые поступили уже с опытом работы в журналистике. В результате отпали две газеты, ей сказали, что это ужас-ужас, потом канал ТВ, хотя окончила она как раз телевизионное отделение. Осталось серьезное издательство, чересчур серьезное, что-то казенное... Отбирал туда человека не работник издательства, а куратор высокого-далекого департамента, официальный и строгий чиновник по имени Михаил Михайлович. Лена получила приглашение от него. Она одна. Условия вроде замечательные, особенно для выпускника без опыта работы. Но «стажник» Витя сказал:

– Не вздумай соглашаться! Да, они неплохие книжки иногда выпускают. Но ты там зачачнешь за бетонной стеной и колючей проволокой.

– Ты что, правда?

– Почти, – отмахнулся Витя. – Я там был. Можешь съездить посмотреть. Огромную хату отгрохали их кураторы. Как у Высоцкого: «На горе стояло здание ужасное, издавая напоминавшее ООН». Мне кажется, редакторы туда проходят через металлоискатели.

– Ладно, не ври.

– Может, я и увлекся, но тебе не подойдет.

Лена отказалась, а вечером ей домой позвонил Михаил Михайлович. Уговаривал. Лена объяснила, что ей хочется живой журналистской работы.

– Понял, – сказал он.

Через пару дней позвонил опять.

– Есть одна маленькая и очень симпатичная газета в Подмосковье. Там деловой и предприимчивый главный редактор. Он отыскивает хороших журналистов, которые в чем-то нуждаются, берет их, пробивает служебные квартиры, регистрации. Потом они, конечно, уходят в большие московские газеты. Но коллектив яркий. Вам, кстати, не нужна квартира?

– Наверное, нет. Я живу с тетей. У нас трехкомнатная на Преображенке. А разве так бывает – служебные квартиры?

– Разумеется. Для нужных родине людей. Например, для депутатов. Потом они просто приватизируются и становятся собственностью.

– Журналисты – такие люди?

– Если это кому-то хочется, то конечно, – рассмеялся Михаил Михайлович. – Так что насчет этой газеты? Можете посмотреть в Интернете последние выпуски. Но все же лучше съездить туда, повторюсь, там очень яркий коллектив.

– Нет, я не поеду. Вы же сказали, он отыскивает хороших журналистов, коллектив яркий. А я вообще не работала еще ни дня в газете. Смысл ездить?

– Смысл простой. Я позвоню. Этого достаточно.

– Ой. Но яркий коллектив. Как я...

– Ты будешь там самой яркой звездочкой, – как-то грустно сказал этот чиновник-сухарь, на много-много лет ее старше.

Они уже оба мучительно понимали, что он влюбился. Для него это было мучительнее, конечно. Он так курировал Лену несколько лет. За эти годы ее жизнь невероятно менялась, но Михаил Михайлович так и оставался в своей роли бесстрастного куратора. Иногда отвозил в газету, куда ее, конечно, сразу после его звонка оформили. Иногда из газеты отвозил домой. До ограды дома. Не касался. Ничего не предлагал. А что он мог предлагать, если практически с первых дней работы Лена попала даже не в клубок, она попала в жаркую и пленительную ловушку любви. Хотя и главный редактор, и коллектив были уверены, что Михаил Михайлович устроил к ним свою любовницу. Он же держался на расстоянии, часто звонил и был все грустнее и грустнее. Так все это начиналось.

Коллектив оказался на самом деле классный. Все – индивидуальности, профессионалы, знающие себе цену, независимые, остроумные, хорошо образованные. Проблем сначала было всего две. Дистанция, которую все соблюдали по отношению к Лене, и это было, конечно, связано с тем, что ее устроил Михаил Михайлович. И характер заведующей отделом Татьяны – неглупой и тоже большого профессионала, но существующей на постоянном уровне кипения язвительности, ярости, неудовлетворенности и зависти ко всем. Впрочем, к Лене сначала она отнеслась как раз с неожиданной теплотой. Видно, уставать от себя стала. А сидели в кабинете они вдвоем. Такие смешные, как видится с расстояния, проблемы. С работой как раз все пошло нормально. Лена сразу начала делать свое дело, точно зная, что надо получить для материала и как написать.

Неожиданность появилась в кабинете на третий день. Крупный, очень высокий мужчина в отличном костюме стального цвета. Красивое лицо, приятный баритон... Он как будто шагнул в эту маленькую захолустную газету из кадра голливудского фильма о журналистах. Подошел к столу Татьяны, поговорил о какой-то заметке и, не глядя на Лену, вышел.

– Видела таких? – со смехом спросила у нее Татьяна.

– Нет, – ответила Лена. – Глаза никак не проморгаются. Облако в серебряных штанах. Это кто?

– Наш ответственный секретарь Владимир Сергеевич Рогачев. Ты его не видела, потому что он сидит в отдельном кабинете на первом этаже. Приехал из-за границы и устроился сюда, чтобы получить от газеты квартиру. Получил. Сейчас отбывает за нее срок. Потом опять уедет за границу. Ты имей в виду, на всякий случай, – у меня на него планы. Надеюсь успеть.

– Ты хочешь выйти за него замуж? – удивилась Лена.

– Дура ты, что ли, совсем? Какой замуж! Он не просто давно женат, он очень прочно женат.

– Ты не могла бы без нервов, Таня? Просто Джульетта и Анна Каренина хотели в идеале выйти замуж за объекты своей любви. У них не сложилось. А они мне очень симпатичны. Хотя камерный вариант могу понять и принять. Особенно если дело всего лишь в том, чтобы уложиться в срок.

– Слушай, ты злая, – удивленно произнесла Татьяна. – А явилась – Мальвина Мальвиной.

– Да нет, это физиологическая реакция на слово «дура». Ужалила в ответ, все прошло, – Лена улыбнулась.

...Коленка вновь утонула в пене. Лена быстро встала. Вспоминать – это очень тяжелая работа. Она отбирает силы и надежды на будущее. Нет, не отбирает... Она все убивает. С этим надо бороться. Потому что будущее Лены спит в детской комнате. Им нужно выжить, дожить до... До времени, когда под ногами Лены окажется что-то более надежное, чем палуба идущего на дно «Титаника».

Она встала перед зеркалом. Похожа ли она сейчас на Мальвину? Тогда, конечно, да. Ей было двадцать три года, у нее были длинные, рыжеватые волосы, от природы крупными волнами. Глаза, как положено Мальвинам, – большие и наивные. Яркая улыбка и острый язычок для отваживания огромного количества ухажеров. Реально огромного. Потому, наверное, так грустил Михаил Михайлович, когда забирал ее из редакции, чтобы отвезти в Москву. Он все видел. Но не сразу узнал, что ей никто-никто не нужен. Кроме... Когда узнал, ему стало гораздо грустнее.

Сейчас Лене двадцать девять. Она старается стричь волосы как можно короче, но нередко они по-прежнему ниже плеч, теперь лишь из-за отсутствия времени на парикмахерскую. Глаза не открыты так широко, как будто ей сейчас покажут самое лучшее кино, а рот всегда плотно сжат. Фотограф, который ее снимал для документов, сказал недавно:

– Девушка, кто так фотографируется? У вас зубы так сжаты, как будто пойдете с гранатой на врага.

– Такой ужас? – испугалась Лена.

– Ну, вот, разжали, губки приоткрыли, все получилось. Улыбайтесь.

Лена закуталась в халат, прошла бесшумно в детскую комнату с маленьким ночником в виде божьей коровки, поправила одеяльце, убрала осторожно крутой завиток с лобика, повлажневшего от какого-то жаркого сна, вдохнула сладкий запах. Это же поэма, роман, симфония, диссертация: «Как пахнут дети». Это успокаивает, тревожит и обязывает. Затем она прошла в свою, смежную спальню, двери между комнатами Лена давно сняла, чтобы быстрее добегать к ребенку. Легла в темноте, даже не зажигая настольной лампы на тумбочке. Задача – срочно уснуть. Если не получится срочно, может не получиться совсем.

...На следующий день после того, первого появления Володи в их с Татьяной кабинете он позвонил Лене на рабочий телефон:

– Это Рогачев, ответственный секретарь. Прошу спуститься ко мне. У меня замечания по вашему материалу.

Лена положила трубку и посмотрела на Таню:

– Меня вызывает Рогачев по материалу. Он что, может его вернуть? Ты же говорила, это стоит в номере.

– Ничего он не вернет. Скажи ему, что я хорошо прочитала, там все в порядке. По-моему, тут что-то не так, – Танины острые скулы выступили, зубы оскалились в злобной усмешке, только у нее так получалось. И еще она в моменты своих приступов негативных эмоций всегда ходила по кабинету. Тонкая, худая, прямая, вдруг начинала горбиться.

Лена сбежала со второго этажа на первый, вошла в кабинет ответственного секретаря, села на краешек стула перед его столом. Он кивнул ей, продолжая читать текст ее небольшого очерка о хорошей воспитательнице заводского детского сада. Всего лишь. Даже не критический материал.

– Елена, я должен подписать ваш материал в печать, но здесь нужно кое-что переделать. В двух местах. Посмотрите, пожалуйста.

– А что здесь не так? Фактические ошибки? Неграмотно?

– Нет ошибок и грамотно. Просто эти два абзаца нужно написать лучше.

– То есть? Лучше, чем я могу?

– Так, как вы можете. Очерк написан на одном дыхании, но два раза вы явно отвлеклись. Вас вообще часто отвлекают, как мне кажется. Надо сначала доделать работу в таких случаях.

Эти два абзаца проваливаются в эмоциональном плане. А поскольку вещь вообще эмоциональная, то они и не несут смысловой нагрузки.

– Ну, и выкиньте их совсем. Какие проблемы?

– Я не хочу. У меня место как раз для такого объема. Не ломать же полосу и искать «затычку»? Короче, сделайте. Я отметил и переслал на ваш компьютер.

– Я запомнила.

Лена влетела в свой кабинет. Она, конечно, не любила критики, что, может, и плохо. Но это не критика: «Напишите лучше». По такому критерию можно было заставлять Маркеса переписывать «Сто лет одиночества». Потому что кому-то все время могло казаться, что можно лучше.

Таня остро взглянула на ее лицо, Лена объяснила, быстро села за компьютер, газету действительно он сейчас сдаст в печать.

– Да, слишком быстро и слишком странно, – изрекла Таня.

– О чем ты?

– Что-то тут не так. Он еще никогда не заставлял править меня и моих авторов. Да и никого вообще. Мы нормально пишем. Ты тоже. Здесь что-то не так.

– Ты повторила это четыре раза. Как минимум. Это для тебя нормально?

– Но ты понимаешь, о чем я, да?

– Я понимаю, что вы все очень странные. А ты – безумно озабоченная ко всему. Можно не мешать? Пришла в школу высоких мастеров слова...

Лена на волне раздражения сделала все, конечно, лучше. Сама это понимала. Вернула статью с правкой. Рогачев позвонил через две минуты.

– Можете еще спуститься?

– Что еще? – спросила Лена с порога.

– Все хорошо. Спасибо. Ну, зачем так злиться? Это газета. Лена, подойди и посмотри, как я поставил материал на полосу. За это время я изменил заголовок. Нравится?

Делал он свою работу, конечно, потрясающе. Заголовок был блестящий. Ее материал, без обличений, сенсаций, потрясающих фактов, был бы проходным. Им просто заткнули бы свободное место. А сейчас он смотрелся как самый главный. Лена перевела взгляд на лицо сидящего Владимира и внутренне ахнула. У сильного, крупного мужчины ресницы лежали просто на щеках. Она у женщин никогда не видела таких ресниц. Владимир спокойно сказал:

– Я освобожусь через час. Твой «повелитель» приезжает обычно к семи. Давай я тебя отвезу в Москву? Разнообразия ради.

– Не хочу реагировать даже на эти слова о «повелителе». Поехали. Какая вообще проблема? У меня ее нет. Мне нужно домой, я тоже освобожусь через час.

Когда они шли к его машине, на них смотрели глаза из всех окон редакции. В кабинете Тани светились просто два адских огня. А когда они уже отъезжали от редакции, подъехала машина Михаила Михайловича. Он тоже их увидел и не вышел. Просто пропустил и поехал в Москву другой дорогой.

Был аномально жаркий день конца апреля. Лена села рядом с Владимиром, она была в короткой юбке и уже без чулок, и когда пристегивала ремень безопасности, он смахнул, как муху, родинку с ее колена. Так много и так мало между ними произошло в тот день. А дальше... «Все смешалось в доме Облонских».

...Ночь пропала. Лена мысленно обругала и свои прозревшие глаза, и эту родинку, однозначно знак несчастливой судьбы. И знак такого горячего плена, без которого свобода равна смерти. Была бы равна, если бы не дитя, освященное божьей коровкой.

Да, все перевернулось в жизни, и не только у Лены. Таня была мрачной, но корректной: фактов того, что ее просьбу проигнорировали, не было. Каждый вечер кто-то кого-то подвозил в Москву. Однажды они стояли втроем у открытого окна на площадке своего второго этажа –

Лена, Таня и записной редакционный шутник Дима. Таня курила сигарету за сигаретой, Дима рассказывал о реально драматичной ситуации на предприятии, с которого он приехал. Но это был комик, что определяло все. Он говорил только: «Девочки, посмотрел я окрест себя...» – и Лена начинала хохотать до слез. И тут появилась незнакомая женщина среднего возраста, обычная, светлые, чуть навывкате глаза, нос с горбинкой. Поздоровалась и спросила у Тани и Димы:

– Не знаете, где Володя? Кабинет у него закрыт.

– У главного, – ответил Дима. – Разметка гонорара. Я сунулся, меня наш таракан прогнал.

Не смей знать до дня великого обмана.

«Днем великого обмана» Дима называл день получения зарплаты. Женщина поблагодарила, спустилась по лестнице, Таня с Леной вернулись в кабинет.

– Это была жена Рогачева. Как тебе? – проговорила Таня.

– Не знаю.

– А я знаю. Противно видеть эту обманутую идиотку.

– Я пойду обедать, – сказала Лена и выскочила из кабинета.

А вечером Володя опять отвозил ее домой. Говорили о редакционных делах. Пересказывали друг другу шуточки Димы. Потом он сказал:

– Сегодня здесь была моя жена. Видела тебя с Таней. Сказала мне, что у нас появилась слишком хорошенькая девочка.

– И о чем это говорит?

– Ира – нормальная, объективная женщина. В отличие от этой сумасшедшей, которая сидит с тобой в одном кабинете. Татьяна уже нас обличает на каждой лестничной ступеньке. Ты знаешь?

– Мне это безразлично. Это неправда. Таня говорила, ты приехал из-за границы получить квартиру и скоро опять уедешь.

– Да. У меня есть контракт. Я – переводчик.

– МГИМО?

– Нет, как и ты, журфак. Я в международной дипломатии по линии тестя. Он губернатор одной из провинциальных областей. Это его идея – не тратить деньги на квартиру сейчас, а получить вот так, служебную. Но уже приватизировали. Моему сыну семь лет недавно исполнилось. Поэтому в первый класс пойдет только в сентябре. Думаю, не в России, но на всякий случай записались здесь.

Это было именно то, что Лене не нужно. Категорически. Ни на «срок», как Тане, ни по-другому. Зачем вписываться в такую драму? Пусть лет ей тогда было немного, но и опыт был. За ней ухаживали с тринадцати лет, иногда мужчины гораздо старше. Часто с серьезными намерениями и желанием ждать ее совершеннолетия. В университете Лена то попадала в переplet из-за того, что ее дружелюбие неверно трактовали, то просто отбивалась. Она точно знала: когда-то ее сердце и тело скажут: это мое. А то, что не мое, то не мое. Семейные мужчины отпадали в принципе.

Она плакала всю ночь. Утром приняла решение. Позвонила своему знакомому с претензиями на более теплый статус и сказала, что согласна приехать к нему в редакцию на смотрины, куда ее звали. Очень хорошую, известную, кстати, редакцию. Днем избегала встреч с Володей. Вечером уезжала в Москву с тем, кто предлагал подвезти. А предлагали все. И не только из редакции. Ее постоянно преследовал странный мужик из местного ФСБ. Игорь Makeев. Использовал, что называется, навыки. Она бежит в магазин за молоком и булочкой, а он уже там ее перехватывает. Поехала как-то и с ним. Неглупый очень оказался человек, образованный. И собой ничего. Подвез к дому, но не выпустил, крепко прижал к себе. Она вынесла поцелуй, потом...

– Ну, что ты, господи! Не чувствуешь, что мне это не нужно?! Ты, наверное, нравишься женщинам. Но не всем же.

– Понятно, – сказал он резко, как следователь на допросе. – И я знаю в данном случае причину.

Высадил и уехал.

«...Как я рвалась тогда на свободу, – подумала Лена утром. – А свобода меня отталкивала, предлагая лишь другие варианты рабства».

Она встала, покормила ребенка грудью, они привелись в порядок. Потом она с ребенком в слинге ходила в магазин, в аптеку, погуляли немного: у нее, кроме малыша на груди, две сумки в руках. Вернулись. Опять приводились в порядок. На этот раз Мариночке было время есть овощное пюре. Она сидела за своим столиком и радостно болтала ножками.

– Все, – поцеловала Лена пяточку. – Ты спишь, мама будет работать.

– Мама... – захлопала девочка глазками, как у Мальвины, только карими, а ресницы лежали практически на щеках.

Засыпала она быстро и крепко. Здоровенькая родилась. Семь месяцев назад. Лена убрала на столе и бросилась к компьютеру – править и отправлять литературный обзор в журнал, в котором она работала. Она не брала отпуск по уходу за ребенком. Договорились, что будет справляться. Справлялась. Закончила, отправила, посмотрела на часы: Марина будет спать еще не меньше часа. Нужно тоже уснуть. Иначе для следующей прогулки сил не хватит. Вес Маринка набирает с опережением. Коляской они обе как-то решили не пользоваться. Маринке было в ней одиноко и ничего не видно. И потом они разговаривали.

Лена едва коснулась головой подушки и провалилась в глубокий сон. Ей снилось солнце, лед и вода. Брызги, мелкие, как пыль, опутали ее плотной пеленой.

...Тогда, накануне первого мая, аномальная жара сменилась резким похолоданием. Река, которая в жару не сумела полностью освободиться ото льда, местами вновь обледенела. А в редакции некоторые любители солнца уже в выходные успели немного позагорать на берегу. Поделились впечатлениями, и все решили первого мая – они работали, но день короткий – устроить легкий пикник.

– Вообще снежинки пролетают, – сказал, глядя в окно, фотограф Виктор. – Засада! Хотелось на пикник. Слушайте, у меня классная идея: не отменять! Более того, усугубить. Я ставлю бутылку шампанского тому, кто откроет завтра купальный сезон.

Почти вся редакция была в это время в большом кабинете Тани и Лены. Дистанции между Леной и коллективом, мягко говоря, больше не было. Ей даже казалось, что Володя, самый авторитетный человек здесь, своим откровенным поклонением ей, которое выражалось просто в тоне, взгляде, внимании к каждой мелочи, связанной с ней, – заразил всех. Она приходила, и все чувствовали, что начинается притягивающая, пленительная и заманчивая, замешанная на неизбежных драмах игра. Всегда присутствовала все более худая и мрачная Таня. С тайфуном не спорят. Лене было так тошно на душе в тот момент. Она уже не знала, что еще придумать: то, что не начиналось с Володи, должно быть убито и забыто. Но в другую газету не смогла поехать даже на «смотрины». Володя на ее демонстративные поездки домой с кем-то другим, в том числе и михмихо, как стали насмешливо называть в редакции Михаила Михайловича, не реагировал никак. Даже не пытался разговаривать. Здоровался, улыбался, что-то говорил по делу. Старался реже выходить из своего кабинета. Однажды Лена с Таней стояли у себя на площадке, где Таня курила. Он поднялся напомнить Тане, что он ждет материал в номер. И пошел вниз по лестнице. Лена смотрела на его лицо сверху... Это невероятно. И невыносимо. Просто глубоко несчастное лицо. И ресницы лежат на щеках. В общем, плохо ей было. И потому она сказала Виктору:

– Я согласна. Только, кроме шампанского, еще красная икра. Иначе не полезу.

На следующий день приехала в джинсах, теплом свитере, под ними был купальник. Все быстро сделали, что требовалось, собрались синхронно, радостно. Самые распорядительные привезли необходимое для костра и шашлыка. Пакеты с едой. Даже Таня притащила сумку с пирожками, которые якобы испекла сама. Лена подумала, что она все купила в магазине неподалеку, там как раз пекли пирожки. Но факт остается фактом: люди собрались на праздник. Когда все вываливались из редакции шумною толпой, распределялись по машинам, спокойно вышел Володя, на этот раз в шикарном костюме кофейного цвета. С пустыми руками, разумеется. Улыбнулся всем добродушно. Пропустил небольшую кавалькаду, потом поехал замыкающим – один.

На пленэре был ужас, конечно. Холодно. По реке плывут льдины, от берега, по мели, сверкает тонкая ледяная пленка, родившаяся ночью. Но все заработали активно. Вскоре горел большой костер, запахло шашлыком. Секретарша главного, любовно называемого коллективом «тараканом» за действительно уникальные усы, скромная, тихая, аккуратная женщина, вдруг робко сказала:

– А я привезла домашнюю вишневую наливку. Мама делает. Ничего?

– Что значит, ничего, Нина?! – заявил шутник Дима. – То, что доктор прописал! Думаю, пора эту наливочку и употребить. Иначе радость от встречи с природой какая-то не полная. А ведь нас ждет танец маленького лебедя, если нас не обманули, как всегда.

И все вопросительно уставились на Лену.

– Не обманули, – сказала она, ненавидевшая холод. – Прошу только показать шампанское и красную икру.

Фотограф Виктор охотно продемонстрировал всем. Шампанское было отличным. Банка с икрой большая. Он сказал, что привез из Приморья. Лена в его машине сняла джинсы, свитер и пошла к воде босиком по омерзительно холодному песку. Потом под ногами треснул тонкий ледок, пытавшийся укрыть воду, которой, конечно, не должна касаться нога нормального человека. Лена – не «морж» никогда, ни разу, ни за что. Но она шла все решительнее. Вода уже прикрыла ее бедра. Потом дошла до груди. Навстречу плыли обломки мрачных, как Таня, льдин. А что? Все тут такое ласковое, как ее жизнь теперь. Она поплыла, тело горело, как обваренное. Так, наверное, сначала чувствуют себя все те, кто замерзает. Обратный путь был уже ничего. Как будто так и надо. На берегу стояли все, а фотограф Витя суетился с большим полотенцем. Лена вышла и даже рассмеялась от такой предусмотрительности. Она, в отличие от него, забыла о себе позаботиться, даже сухое белье не взяла. В машине Виктора сняла купальник, натянула на голое тело джинсы и свитер, надела на красные ноги кеды. Побежала к костру. Села так близко, что пламя дышало ей прямо в лицо. Выпила из рук Виктора большой бокал шампанского, специально для нее, остальное люди допили просто из горла по очереди. Потом он ее кормил красной икрой из десертной ложки. Все делалось театрально и значительно. Люди хотели спектакль, они его получали. Все смотрели, все веселились, комментировали. Володя продолжал рассказывать что-то Диме, говорил обстоятельно своим красивым баритоном. А Лену только сейчас, в сухости и относительном тепле, догнала трясучка. зуб на зуб не попадал.

– Понимаешь, Вовик, в чем твоя беда, – заключил Дима. – В твоей голове помещается столько всяких пустячков, что главное уплывает, как рыбка под льдину.

От этой фразы, которая у Димы, может, ничего и не значила, все как-то затихли. А может, и значила. Он был умный шутник.

– Не могу не согласиться, – улыбнулся Володя и обратился к Лене: – Лена, ты вся дрожишь. А у меня в машине теплый плед. Пошли?

И она пошла. Машины стояли довольно далеко от костра. Но тот, кто хотел, наверняка увидел, как он целовал ее посиневшие от холода губы. И те, которые ничего не видели, могли догадаться, что его нежные, влюбленные и потому безошибочно точные, властные руки нашли

ее всю под пледом, свитером и джинсами. А лицо его было по-прежнему несчастным, трагическим.

– Что же ты творишь? Что же ты убегаешь от меня? Уплываешь. Я погибаю.

Так началось ее счастье, ее беды, кошмар, смысл и немислимый плен, из которого она иногда в мыслях уплывала в голубую лагуну. Потому и дочь у нее – Марина, морская... Вот она зашевелилась. Надо вскакивать, кормить, одевать, гулять.

Им повезло. На школьный двор пришла степенная пара уток, совершенно непонятно, откуда. Ближайший парк и водоем довольно далеко. Но утки шагали враскачку и недовольно поглядывали на зевак за решеткой: «Дикари какие-то. Не видели, как муж и жена прогуливаются». Маринка тянула к ним ручки. А уж когда на ближайшем дереве запрыгали, закружились, заигрались маленькие белки, тоже вдруг откуда-то переселившиеся в их район, она засмеялась, запрокидывая назад головку с каштановыми кудрями. Смешливая. Как Лена когда-то.

Домой Лена шла очень медленно. Уже смеркалось. Она несла себя осторожно, как хрустальную, потому что на ней висело, щебетало, набиралось воздуха, сил и радости такое богатство... Больше у них нет никого.

...В тот май через несколько дней вновь вернулось тепло. Володя перехватил ее в коридоре после «летучки», задержал за руку, сказал:

– Я освобожусь через час. Мы уезжаем.

Было два часа дня. Они вышли из тусклого помещения сразу на сверкающую другую планету. Лена подняла голову и посмотрела на солнце, чтобы запомнить его. Она никогда не щурилась от солнечных лучей. Они сели в его машину, и он смахнул с ее колена родинку, как муху. Они ехали с чужими ключами в чужую квартиру. И Лена понимала, почему они ушли так рано. Он должен вовремя вернуться домой – к жене и сыну. Они его ждут.

Ту квартиру она не помнит. Они там сошли с ума. Нереально было оторваться друг от друга, о чем-то подумать, посмотреть на часы... Домой Володя не поехал. И не позвонил. Лена вечером позвонила тете, сказала, что осталась ночевать у подружки. Утром они приехали в редакцию вместе. Таня посмотрела на ее платье, в котором она уехала вчера, на припухшие от поцелуев губы, закурила, стала кому-то звонить, говорить какую-то ерунду, громко и неестественно хохотать. А потом у нее началась настоящая истерика со слезами. Лена закрыла кабинет на ключ изнутри и сказала:

– Прекрати. Ты со своими планами жертвой не являешься в принципе.

Таня посмотрела на нее красными глазами, которые как-то сблизились над обострившимся носом, и произнесла:

– Тот проклятый день, когда тебя привез Михмих. Все тут изменилось.

– Тот проклятый день, когда меня привез Михмих, – рефреном повторила Лена.

Трудно жить на раскаленной планете. События стали происходить одновременно и в очередь с неотвратимостью летящих и взрывающихся гранат. Володя ушел из семьи на съемную квартиру. Жена согласилась на развод при одном условии. Он все оставил ей: сбережения, заработанные за границей, квартиру, машину. Алименты согласился платить не в процентах, а просто нужную им с сыном сумму, по ее усмотрению. Тесть-губернатор поставил крест на его контракте. Он просто стал невыездным. Ушел практически без вещей. Носки, белье и документы бросил в рюкзак. И все бы ничего. Из этого они бы выбрались. Но жена запретила Володе видеться с сыном. Это оказалось страшным ударом. Лена предложила позвонить ей, уговорить встретиться втроем, такие вопросы цивилизованные люди решают. У мальчика будет два дома, он это примет. Так у многих.

– Это ты все понимаешь, – сказал Володя. – Она не понимает ничего. Такая у них семья. Я должен с ними расплачиваться по полной программе. Просто деньги, квартира, машина – это такая ерунда для моего тестя. Надо, чтобы я не жил.

Такую страшную фразу он сказал: «Надо, чтобы я не жил». В это же время тяжело заболела тетя Лены, понадобились серьезные деньги. Лена поехала в ту редакцию, в которую ее звали, была зачислена в тот же день. Это уже было похоже на деньги, но тетя все равно умерла. Она была единственной родственницей Лены, родители погибли в ДТП, когда она была совсем маленькой. После смерти тети Володя переехал к Лене. Он тоже перешел в редакцию, в которой работала она. Он вообще постоянно получал какие-то предложения, заказы. Но с изданиями и людьми, имеющими плохую репутацию, не работал. У друзей, которые его руками создавали новые проекты, денег не брал. «Я что, Ваське буду за деньги, что ли, рисовать?» У Васьки вилла в Италии, дом на Рублевке, а он приходил к ним и ныл: «Вов, ты же знаешь, какие времена. Нет ни фига. А я набрал таких туфтовых людишек, они же ничего не могут. Да так, как ты, все равно никто не сможет». Володя часто уговаривал Лену писать «хорошим» людям материалы, за которые они не платили по одной причине: они стали известны как люди, которым можно не платить. И это был бы не вопрос. Справились бы. Проблемой было чувство вины Володи перед сыном, мука, которую он испытывал каждую минуту. Он не скучал по нему. Он просто был виновен и выносил себе приговор. Вот с этим ничего нельзя было поделать.

Лена смотрела, как опускаются его плечи. Как будто в руках пудовые гири. Взгляд стал потерянным. И это уже не из-за чувства вины. Не только. Он загнал себя в такой угол, что стал патологически бояться ее потерять. Ревновал безумно, алогично, к каждому столбу. А она, несмотря ни на что, ступила в расцвет красоты. Коллектив по большей части мужской. Она с кем-то разговаривала, кому-то улыбалась, Володя это ловил, болезненно себя изводил. Однажды, когда ему что-то показалось, пришел нетрезвым. Они ругались, он поднял на нее руку. Лена сказала, чтобы он уходил.

– Я больше не могу.

Он послушно достал из стенового шкафа тот самый рюкзак, с которым пришел, что-то в него бросил, пошел к двери. Потом оглянулся:

– А как же мне без тебя жить?

И они бросились друг к другу, как единственные, последние мужчина и женщина на земле. Это не проходило. Оставив за дверью квартиры свои проблемы, взглянув друг на друга, они все так же сходили с ума от любого прикосновения, им так же невыносимо было разлучаться по утрам, как и тогда, когда они уезжали в разные дома.

В ЗАГС сходили два раза по дороге на работу. Отнесли заявление, расписались. Ночью влетели в свое блаженство, к которому так и не смогли привыкнуть. Никогда. Не было суждено.

И все это время Лене звонил Михмих. И в редакцию, и домой. Пара фраз: «Как дела? Нужна помощь? Если что, звони». Однажды приехал к ней на работу, позвонил снизу, сказал, что может подвезти домой. Здесь оказался случайно, было по пути. Понятно, что не случайно и что на Преображенку совсем не по пути. Лена к этому времени освободилась, устала и хотела домой, метро ненавидела. Но все равно отказалась. Конечно, Володя увидел бы. А не увидел бы, ему бы сказали. И был бы опять скандал. Последний раз Лена увидела Михмиха в буфете «Останкино». Она там была на монтаже своей авторской передачи, которую вела по контракту. Пришли поест с режиссером Викой. Что-то активно обсуждали. Вдруг Лена оглянулась не на оклик, а на взгляд. Это был взгляд Михмиха. Он был с какими-то другими мужчинами, тоже типичными чиновниками. Куда-то спешили. Они даже не поздоровались. И не попрощались.

Через пару дней Володя вошел вечером в квартиру и сразу спросил:

– Ты знаешь?

– Что?

– В новостях передали, что Михаил Михайлович умер. Покончил жизнь самоубийством. Вроде застрелился на рабочем месте.

Лена бросилась к компьютеру, нашла новости, прочитала...

– Это неправда, – сказала она. – Он не мог сам.

– Почему ты так думаешь?

– По всему.

– Понятно. Мне понятно. Ты знаешь, что у него была надежда? Да, теперь и я думаю, что это странно. Он похож был на человека с навязчивой надеждой. И ты эту надежду у него не отбирала.

Это было не ссорой, но они не разговаривали в тот вечер. Лена читала все новости полноты. Какие-то детали, свидетельства. Не сходились там концы с концами. Но через пару дней новость ушла. Следствие пришло к заключению: суицид.

...Лена с Маринкой вернулись домой. Все было у них по порядку, все срочно, важно, особенно игры, уже временами бурные. Ребенок ползал и наводил порядок. Лена фоном читала детские стихи, с нужными интонациями, медленно, рассказывала хорошие сказки. Она знает: Маринка все слышит, даже когда играет в свои игрушки и не смотрит на нее. Она заговорит сразу, детский мозг в нужный момент сам ей выдаст все сохраненные слова и фразы.

В промежутках Лена бегала к компьютеру, проверяя почту и отслеживая выход книг, которые войдут в ее обзоры. Читать и писать возможно, конечно, только тогда, когда она уверена в том, что ребенок уснул. Это сладкое засыпание, когда надо, чтобы ребенок уснул, и так не хочется отпускать свою радость в сон. Потом она несколько часов работала, не замечая времени. Посмотрела на часы. Осталось немного, но придется оставить на завтра. Это закон. Для того чтобы соблюдать режим дочки, нужно себя держать в его железных рамках. Ложиться нужно вечером, а не ночью. Спит – не спит, но какие-то часы отдыхает. Утром нужно очень рано встать, сделать гимнастику, принять душ, и все сначала... Лена вышла на балкон. Вдохнула тишину, пахнущую ночью и весной. Месяц май...

В тот, шестой от встречи с Володей, месяц май у них все стало как-то решаться само по себе. Его начали приглашать в качестве переводчика на серьезные международные встречи в Москве и за границей. Оказалось, что это возможно не только по «линии тестя», но даже без Володиной инициативы. Его просто многие знали как профессионала. Он принимал только московские предложения. Очень нужен был газете. Пара недель – это все, что можно было выкроить. Но ему пришлось вылезать из джинсов. Они купили ему два красивых дорогих костюма, Володя опять стал «облаком в серебряных штанах», совсем не похожим на остальных мужчин. У Лены приняли сценарий художественного фильма. Купили машину. Было очень тепло в тот день, Лена надела совсем прозрачные чулки. Сели, и он привычно смахнул родинку с ее колена, как муху. На его день рождения поехали в гости к его маме, живущей в коммуналке в центре и категорически отказывавшейся меняться в отдельную квартиру или переезжать к ним. Это была очень кроткая, хрупкая женщина, смотревшая на сына с неизменным восхищением и удивлением: как у нее мог родиться такой чудесный сын. Ездили Володя и Лена к ней нечасто. Она всегда долго готовилась к этим визитам: пекла, жарила-парила. Лене всякий раз говорила: «Ты красивая. Ты похожа на Мэрилин Монро». А в тот день вдруг сказала, когда они остались на кухне вдвоем:

– Переживаю я за него сильно.

– Почему? У нас все в порядке.

– Я всю жизнь переживаю. Майский он. Это значит, маяться ему положено.

Лена даже не смогла ничего ответить тогда. И не рассказала Володе.

Он стал гораздо спокойнее, вернулась уверенность. Он владел ситуацией. Зарплату, полученную в редакции, практически полностью отдавал бывшей жене Ире, которой не лень было приезжать в газету и стоять у бухгалтерии в день выплат. Его предложения привезти самому отвергались. С Леной она не здоровалась. И этот неприятный момент стал дежурной ситуацией. А их раскаленный рай на двоих оставался неизменным. Володя находил свои, особые слова: «Как же мне с тобой... Для меня это так невероятно, что невыносимо». Они делали одно дело, им нравились одни книги, одни поэты, одинаковая музыка. На все, что происходило вокруг,

они реагировали синхронно, как один человек. Да, его вспыльчивость и ревность, конечно, никуда не делись. Но они уже сознательно находили пути выхода. Мука вины перед сыном тоже прошла. Парень стал подростком, вымахал под два метра, приезжал иногда сам на машине с водителем, это был ему подарок бабушки на день рождения.

Лена и Володя перестали предохраняться совсем. Без объяснений. Ему удалось выкроить время для зарубежной, очень хорошей командировки, сразу в несколько стран. Позвонил из Нью-Йорка, сказал, что через два дня прилетает. И что везет ей туфли из крокодиловой кожи.

– Там же другие размеры, ты спросил, какой на наш тридцать пятый?

– Да. Я сказал, размер, как у Золушки.

– Тогда правильно наверняка.

Его рейс попал в майский буран и разбился недалеко от Москвы. А она по телефону тогда не сказала, что беременность подтвердилась. Хотела обрадовать при встрече. Володя как-то говорил, что хотел бы, чтобы Лена родила девочку. Мальвину.

...Лена сурово посмотрела на темное, ставшее вдруг враждебным небо. Роковой, коварный, подлый месяц май. Убийца.

Дальше все происходило в режиме кошмара. Это понадобилось вытеснить из памяти на задний план, чтобы выжить и спасти ребенка. Но похороны она кусками помнит, нет, видит, как кадры, вырезанные из киноплёнки. Кроткая Володина мама, которая, кажется, таяла на глазах, – смотрела на нее с беспокойством и спрашивала: «Лена, тебе не плохо? Я привезла валидол». Через несколько месяцев после похорон мама Володи умрет. Пережить сына – это был для нее непосильный и ненужный труд. Лена сидит над гробом в черном платье и платке, их оставили одних. И вдруг рядом садится бывшая жена Володи Ира. Смотрит на нее изучающим взглядом выпуклых глаз и говорит что-то ужасное. Про бумеранг, про то, что за все нужно платить. Такой оказался «нормальный и объективный» человек. Она приехала с отцом и новым мужем, которые казались близнецами. Муж – из той же песочницы. Мужчины не поздоровались с Леной, не сказали ей ни слова. Потом подъехал сын Володи, с опозданием. Он по-родственному Лёну обнял. А «сумасшедшая» Татьяна, которая к этому времени была уже тоже замужем, приехала одна. То есть не с мужем, а с Димой, редакционным шутником. Она плакала у могилы, потом погладила по плечу Лёну и сказала:

– Как же тебе досталось, бедная ты моя. Но что делать. Роковая ты баба, вот и весь ответ. Надо жить.

Дима подошел на удивление робко.

– Девочка, я со словами в таком случае не справлюсь. Короче, лозунг твой – светить всегда, светить везде. Держись. Звони, если что.

Но Лена надолго забыла, зачем нужен телефон. Решала только вопросы с работой. А на звонки коллег и знакомых или не отвечала, или говорила так, что все поняли: ее надо оставить в покое. Из той газеты, в которой работала вместе с Володей, ушла сразу. От штатной работы на телевидении опять отказалась. Пригласил этот литературный журнал. И надо было готовиться. Встречать Маринку. Она записалась на курсы вождения. Чтобы успеть до родов. Потом она одна, за рулем и приедет в роддом...

В ее ставшей обычной тишине тоски декретного вдовьего отпуска вдруг тогда раздался телефонный звонок. Она ответила, не посмотрев кто.

– Лена, добрый вечер. Игорь Макеев говорит. Помнишь? Боец невидимого фронта.

– Конечно.

– Не выйдешь? Я у твоего дома. Есть информация.

Лена вышла, села в его машину. Игорь совсем не изменился.

– Мои соболезнования.

– Спасибо, но не развиваем, хорошо?

– У меня другая информация. Я подумал, тебе будет интересно. Твой покровитель Михаил Михайлович Иванов не застрелился. Он был убит. Заказчик занял его место. Но сейчас уже двинул в сторону горизонта, линяет, но вряд ли успеет. Дело вновь открыто по новым обстоятельствам.

– Из-за места?

– Ну, да. Стул – дело такое. И нашелся человек, который и под заказчика копнул. Дальше – дело техники.

– Я так и думала, что убили.

– Заказчик – друг и заместитель. Был уверен, что вне подозрений. Но мы вышли на исполнителя, он его сдал.

– Хорошо сделал, что сдал. Очень надеюсь, что этот предатель ответит.

– Умная ты. Ко всему. Мы постараемся. Но ты на курсы вождения записалась, инструктора срочно поменяй. Это раздолбай. Вот я тебе написал, кого нужно взять.

Тогда Лена впервые улыбнулась.

– Ты по-прежнему маскируешься под колонну в магазине, в котором я покупаю хлеб и молоко?

– Ну, да. Талант не пропьешь. У меня все. Пока. Звони, если что.

С тех пор Лена с Игорем не разговаривала, не встречалась. Хотя не исключено, что он продолжает маскироваться под колонну в ее магазине.

...А на следующий день было обычное, полное дел утро, и еще утро, и опять утро. Маринка научилась ходить, но норовила бежать бесстрашно, теряя центр тяжести, и карабкаться на все, что настроили на детской площадке. Страховать малышку стало главной задачей Лены.

Ранней осенью они гуляли во дворе, когда пошел небольшой и теплый дождь. Все стали расходиться, а Марине нужно было подробно объяснить причину. Это не тот случай, когда можно дернуть ребенка за руку и сказать: «Побежали, дождь». Девочка очень любила логичные и подробные рассуждения с отвлечениями и продолжением. «А что потом?»

Система Лены сработала. Девочка сразу заговорила и полюбила слова. Пока они объяснялись, небо потемнело, дождь стал сильнее. Лена взяла Марину на руки и пошла осторожно, как хрустальная. Вдруг перед ней встал какой-то человек. Она почувствовала, что кто-то другой положил ей руки на плечи. Тот, перед ней, потянул из ее рук ребенка.

– Только не ори, – сказал он Лене. – Ребенок не пострадает. Просто подождет. Мы к тебе со всей любовью.

Орать Лена бы не смогла. У нее исчез голос. Но она рванулась, прижимая ребенка. Мелькнула мысль, что надо кусаться, царапаться... И тут сзади раздался мужской короткий крик и звук падения. Тот, который тянул Марину, оставил девочку, и в это время чей-то кулак сбил его с ног. Малышка заплакала. Лена сумела только прислониться к широкому старому дубу и закрыть ребенку рукой глаза. У нее самой стучали зубы, дрожали руки, она видела, как в тумане, что два сбитых с ног мужика вскочили и бросились к машине, а человек, который их раскидал, снимает их на телефон.

– Все в порядке, успокойтесь, – сказал человек, подойдя к ней. – Я запомнил номер машины, есть их фотографии. Их завтра найдут. Добрый вечер. Мариночка, не плачь.

– Откуда вы знаете, как ее зовут?

– Вы с ней постоянно разговариваете. Вас трудно не заметить, сами, наверное, понимаете. Марина перестала плакать, посмотрела вопросительно на Лену.

– Это все нарочно, – объяснила Лена. – Дяди так игрались, но они глупые, и этот дядя их прогнал.

– Этого дядю зовут Денис, – уточнил спаситель. – Давайте я все же доведу вас на машине. Дождь и многовато приключений.

Они сели в его машину, проехали оставшиеся метры. Денис припарковался у ограды ее дома. Маринка уже стояла на ножках между ними на переднем сиденье и все рассматривала.

– Как говорится, вот и познакомились. Если бы не эти козлы, я бы никогда не решился, наверное. Теперь есть повод в дождь занимать пост у детской площадки. Да, Марина?

– Да, – радостно ответила девочка. Ей нравилась любая игра.

– Денис, вы из тех, кто стоит над пропастью во ржи, чтобы дети не упали в нее?

– Точно. Это про меня Сэлинджер написал. Я – прототип. С вашего позволения я отнесу Марину до подъезда? Чтобы наверняка знать, что вы попали домой.

Лена взглянула ему в лицо. Такие серьезные, вдумчивые темно-синие глаза. И ресницы лежат на щеках.

– Да, – кивнула она, – буду очень благодарна. Руки ослабели.

Перед тем как открыть дверцу со своей стороны, он вдруг быстро смахнул родинку с ее колена в тонком чулке, как муху. Она даже задохнулась от неожиданности. Он донес ребенка до подъезда, коснулся в знак прощания ее руки горячей ладонью. «Хорошо, что сейчас не май», – прилетела к ней вдруг мысль как будто с дождевой тучи.

Пропал кот

«Пропал кот. Зовут Степа. Имя знает. Черный, пушистый, с большими глазами янтарного цвета. Небольшой, но упитанный. Пять килограммов. Возраст два года. Активный. Чужих людей не любит, но за еду подойдет. На шее красный антиклещевой ошейник. Если увидите или поймаете, позвоните в любое время суток. Умоляю! Буду благодарна за активные перепопсы на всех ресурсах. Давайте всем знакомым мой телефон. Степа НИКОГДА не был один на улице. Не знает машин. Просто выскочил из рук во время прогулки. Убежать теоретически может далеко. Верните Степу ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ! Татьяна».

Таня, указав свой адрес и телефон, выложила этот текст на очередном сайте, прикрепив портрет Степы, отправила и без сил откинулась на спинку стула. Степы нет вторые сутки. Она вынесла его на обычную часовую прогулку на лужайке у их высотки. Было солнышко, Степа нюхал травку, гулял на тоненьком поводке, Таня вела его туда, куда он хотел. Потом он рванулся к важной вороне, которая встала рядом и рассматривала его каждым глазом по очереди, наклоняя голову. Таня подумала, что птица рассматривает его, как еду. И тут Степа рванулся, Таня схватила кота на руки, отстегнула поводок, а он просто упорхнул. Ворона осталась и удивленно смотрела уже на Таню: «Как же ты упустила такого дуралея?»

В те часы, что Таня не бегала по району с воплями «Степа!», она давала объявления на всех возможных и невозможных сайтах и форумах. Отправляла платные объявления в газеты. И распечатывала макет с текстом, портретом и «лапшой» телефона на листки. Разрезала лапшу и выходила клеить на всех щитах, столбах, деревьях и заборах. У магазинов, зоосалонов, на стоянках. И опять начинала бегать с криками: «Степа!» Что угодно, только не думать о том, что Степу загрызли собаки, запугали до смерти подвальные кошки, которые не примут домашнего, а представлять себе колеса машин – это вообще жесточайшая из мук. Конечно, если бы Таня назвала своего питомца кошачьим именем, к примеру, Мурзик, ее поведение вызывало бы меньше вопросов. Но ему подошло и понравилось имя Степа. И теперь приходится многим объяснять, что Таня ищет не сына и не мужа. Но некоторые не задавали вопросов, кого она зовет, а сразу комментировали:

– Вот такие пошли мамы. Она понятия не имеет, где ее ребенок. Сидят с сигаретами и колой, треплются по мобильникам, а дети у них неизвестно где. Может, уже у бандитов или воруют пиво в магазине, – так чаще всего говорили женщины, даже не глядя на Таню, а работая на аудиторию.

– Девушка, мужа надо было хорошо кормить и покупать ему водку, тогда бы и орать на весь район не пришлось, – это уже шуточки мужчин.

Было, конечно, очень много понимающих и сочувствующих, они брали у несчастной Тани телефон, спрашивали, на какую еду Степа подойдет. Самыми активными оказались собачники, они предлагали показать им то место, где Степа гулял, и попробовать направить по его следу собаку. Таня сначала соглашалась, потом смотрела на собачьи клыки...

– Да нет, наверное. Не получится. Он от собак может убежать еще дальше. Я читала, что кошка от страха или стресса вообще добежала до другого города.

– Я скажу вам больше, – значительно произнес один собачник с крупной немецкой овчаркой на поводке. – Есть кот, который автостопом доехал из одной страны в другую. Его вернули из той, другой страны через полгода. У него был чип. А у Степы есть чип?

– Нет... Нет! – старалась не заплакать Таня. – Он не собирался убежать, он меня любит. Он не может один...

– Это очень плохо. Надо было все предусмотреть.

Домой Таня после всех этих контактов возвращалась с кашей в голове. Ей звонили постоянно. Тот случай, когда предложение рождает спрос. Написано: «я – Татьяна, вот мой телефон, умоляю звонить» – они и звонят. Огромное количество людей, которым нечего делать.

– Татьяна?

– Да.

– А как понять: «глаза янтарного цвета»?

– Это желтые, но ярче.

– А почему вы написали «янтарные»?

– Потому что они янтарные.

Все. Сил не было. Все казалось бесполезно. И невозможно. Маленький котик посреди большой земли, полной опасности и дураков. Таня выходила на балкон и в тоске звала: « Степа ».

– Это кончится когда-нибудь?! – вопила на соседнем балконе дородная соседка. – У меня давление, и мне в ночь выходить. Черт бы вас подрал с вашим Степой!

Таня молча уходила в комнату и садилась печатать объявления. К вечеру в трубке раздался, наконец, серьезный голос, который произносил серьезные слова.

– Татьяна? Меня зовут Карина. Я зоозащитник. Живу совсем в другом районе, но у меня в любом случае нет времени искать: на мне семнадцать собак и двадцать кошек.

– То есть они живут вместе с вами?

– Нет, конечно. Я их спасаю на улицах. Они в приютах и на передержках. В тех же приютах есть такие, которых нужно спасать из приютов.

– Почему?

– Потому что там ад. Не кормят, грязь, антисанитария, болезни. Не лечат.

– О, ужас.

– Понятно, что ужас. Я звоню, потому что посмотрела на фото вашего Степы, а ваше объявление читаю уже на пятом сайте помощи животным. Котик красивый. Так вот. Мой совет. Найдите на этих сайтах черные списки. Это списки тех, кто ворует животных, – перекупщиков и садистов. Везде есть адреса и телефоны. Нельзя ждать, сложа руки.

Таня помолчала, затем глубоко вдохнула, как для погружения на глубину, и только тогда смогла произнести:

– А зачем их воруют и что делают эти перекупщики? По поводу садистов, пожалуйста, не объясняйте. Я читала.

– Они продают животных!

– Кому и зачем? Степа – не породистый. Просто красивый. Я его нашла крошечным на улице.

– Пушистый. Таких продают на мех. И любых на притравку бойцовым собакам.

– Спасибо, – сказала Татьяна. – Я буду смотреть черные списки.

Ее драма развивалась по совсем крутому сценарию фильма ужасов. Если Степа у кого-то из этих монстров, разве они предьявят его Тане, когда она придет по их адресу или позвонит по телефону? Разве скажут ей, что уже продали Степыча на воротник? Только от мысли об этом ей уже не спастись. Она перезвонила по телефону Карины.

– Карина, извините. У меня вопрос. Продают они, вероятно, тоже по объявлениям? Или у них постоянная клиентура?

– И по объявлениям, и, конечно, клиентура. Но мыслите верно. Да, нужно смотреть везде объявления: «Продается котик». Дальше, возможно, будет скопировано ваше описание. И фото Степы.

– Поняла.

Таня посидела в задумчивости. Раз они копируют объявление по поводу украденного рядом с хозяйкой кота, не иначе как схватили, когда Степа выскочил, дают его фотографию,

то могут быть объявления и с именем. И она села набирать в поисках: «Продается кот», «Продается кот Степа», «Кот в добрые руки недорого», «Недорого черный кот»... Это оказалось работой даже не на годы. На века. Объявлений нашлось, наверное, миллион. Даже больше. Черные пушистые коты, конечно, очень похожи. Но у Степы необычно большие глаза. И Таня никого не перепутает со Степой. Но завтра воскресенье. А потом понедельник, надо выходить на работу. Где ты, кошачий бог? Помоги Тане со Степой!

Таня стояла в растерянности посреди неубранной комнаты с кучами объявлений на столе и диване. Она была в тех же джинсах и майке, в которых гуляла последний раз со Степой. Волосы, которые, конечно, надо бы срочно помыть, стянуты сзади аптечной резинкой, руки местами в особо прочном клее, она намазывала объявления по всей площади, чтобы не сорвали. Клей настолько прочный, что и не смывается. Вечер. Надо идти на улицу. Надо искать. Степа, маленький и смешной, не любил оставаться в темноте. Она два года нигде не выключает свет, когда уходит из дома. Да, надо идти.

Господи, звонок в дверь! Его нашли или увидели соседи! Таня бросилась открывать и какое-то время измученно и недоуменно смотрела на своего жениха Игоря. То есть, конечно, он больше, чем жених, но предложение сделал недавно, хотя встречались они почти два года. Таня ответила утвердительно с паузой в пять минут. Она была ученым. Институт космических исследований. Ей понадобилось столько времени, чтобы вычислить хотя бы одну причину, которая бы помешала их официальному союзу. Такой причины не было. Они отнесли заявление в ЗАГС. Но...

– Игорь, почему ты не позвонил? Я думала, ты сегодня у родителей.

– Картина «Не ждали». Я подумал сдуру, что могу уже без звонка. Без записи, так сказать. Это называется «сюрприз», если ты не в курсе. Есть такой антинаучный термин. Ничего, если я переступлю порог?

Игорь тоже был ученым, работал в другом отделе того же института. Хороший, интеллигентный, порядочный человек. И симпатичный. А почему Таня сама ему не позвонила? Он бы ей помог! Но она старается не звонить ему, когда он у родителей. Есть какой-то барьер. Они не очень приветливые люди.

– Извини, ради бога. Просто у меня такое, я уже ничего не соображаю. Заходи, конечно. Не смотри по сторонам. Нет, посмотри мои объявления. Степа пропал, или его украли.

– Да ты что!

Игорь прошел в комнату, поднял одно объявление, прочитал.

– Душераздирающе, конечно. Ты не боишься, что через какое-то время тебе начнут нести всех черных котов за вознаграждение?

– Это самая маленькая проблема. Я Степу узнаю. Есть гораздо более страшные варианты. А ты так говоришь, как будто ты Степу не узнаешь!

– Не поручусь на сто процентов. Уверен, что это он, когда он сидит на этом диване или у тебя на коленях. Правда, ты всегда утверждаешь, что таких больших глаз ни у одного кота на свете больше нет. И даже указала это в объявлении. Скажу тебе по секрету: это не доказанный факт. Таня, мы не могли бы отвлечься? Я решил удрать от родителей. И сделал это до ужина. Купил по дороге твое любимое красное вино и немного вкусностей. Степе понравились бы, конечно, королевские креветки, но мы ему оставим. Я смотрю на горы этих объявлений, и мне начинает казаться, что позвонит тебе именно он. Он ведь на все готов за вознаграждение. Даже терпеть такое издевательство, как купание в ванне с шампунем.

– Да, конечно, – попыталась улыбнуться Таня. – Мне только, наверное, нужно переодеться... Или можно и так?

– Отлично и так, – обнял ее Игорь. – Ты сейчас похожа на Тома Сойера.

Таня освободила стол. Игорь начал доставать принесенные продукты. Она отправилась за бокалами, тарелками и всем остальным. По дороге в очередной раз зашла в ванную, чтобы отодрать следы клея с пальцев. Вернулась, Игорь уже накрыл стол.

– А давай поставим те свечи, которые мы купили в день помолвки? – предложил он.

– Отлично! Сейчас.

Стало красиво, уютно, а когда Игорь выключил верхний свет, исчез и беспорядок в комнате. Они выпили по бокалу красного вина. Игорь крепко поцеловал Таню в губы. Она с облегчением обняла его за шею. Он был ей очень приятен, но главное, что он пришел в такой момент, когда одной было уже совсем никак. И тут начал звонить телефон.

– У вас пропал черный кот? Он полностью черный? А то я сейчас смотрю на одного кота, он черный, но с рыжими пятнами.

– Вы не нашли своего кота? А какое вознаграждение?

– Если вы не нашли своего кота, то уже не найдете. Это точно. Я пристраиваю очень хорошего котика в добрые руки. Только он не черный, а полосатый. Есть еще рыжая кошка.

И все в таком роде... Лицо Игоря скучнело. Ежу понятно, что звонки будут продолжаться и всю ночь. В объявлении написано ведь: звонить в любое время суток. А у людей выходные. Не все пошли в цирк.

– Таня, ты не могла бы на время отключить телефон? У людей масса причин звонить тебе бесконечно. Бессонница, шизофрения, алкогольное опьянение, отсутствие культуры, безрадостное детство и так далее. Степа пропал больше суток назад, и если ты подвергаешься таким телефонным атакам все это время, то я просто опасаюсь за тебя. Свихнуться можно легко. Мы, кажется, решили отдохнуть.

– Да, конечно, сейчас отключу. Отвечу только на этот звонок. Это звонит знакомая из соседнего корпуса. Она обещала ходить с колбасой и звать Степу по имени... Да, Лена, слушаю. Да? Где? И что? Не видно глаз? Но он на тебя смотрит? Не убегает? Не подходит к колбасе? Поговори с ним еще. Мы бежим.

Таня вскочила, включила верхний свет. Быстро завернула в салфетку королевские креветки, кусочки сыра и колбасы.

– Игорь, побежали. Лена сейчас стоит между нашими домами и разговаривает с черным котом. Зовет его Степой, он смотрит на нее и не уходит. Но и не подходит. Она – тоже не двигается, чтобы не спугнуть. Она его видела только на фотографии, дома у меня не была, на прогулке ни разу нас не видела. Понимаешь?

– А зачем ты берешь еду?

– Если Степа в стрессе, то он может и к нам не подойти. Мне дали телефон ловца, который может подъехать быстро.

– Это еще кто такой?

– Это человек, который может незаметно выстрелить в кота шприцем со снотворным. Котик уснет. Но до этого его нужно отвлекать.

Они побежали к указанному месту. Через двадцать минут медленно вернулись в квартиру. Черный котятра, совершенно не пушистый и в два раза больше Степы, вышел из темноты на Танины призывы, спокойно сожрал все, что она перед ним выложила, плюнул на них и ушел. В квартире Игорь притянул Таню к себе.

– Ты поняла, что ночью найти черного кота невозможно? Отключи телефон.

– Сейчас. Только потом я буквально полчаса посмотрю в Интернете. Понимаешь, там есть черные списки людей, которые воруют и продают пушистых котов на мех или на притравку бойцовым собакам.

– Что такое притравка?

– Это когда те рвут кошек на части, – Таня всхлипнула.

– Так, Танечка, – Игорь даже улыбнулся от такого перебора. – С богом. Не буду тебе мешать. Ищи спокойно черные списки черных людей, которые воруют черных котов, чтобы их разорвали черные бойцовые собаки. Привлекай черных ловцов с черным снотворным. Я – пас. У меня в понедельник очень много дел на работе. У тебя как бы тоже, но я не в состоянии вернуть тебя в адекватное состояние. Поэтому наше общее воскресенье откровенно накрылось медным тазом. О сегодняшней ночи рядом с тобой мне даже подумать страшно. Пожалуй, я поеду к себе. К родителям возвращаться так поздно уже неудобно. Да и настроения нет. Звони, когда вопрос решится. Или не решится. Спокойной ночи, это я так сказал, как принято.

Игорь пошел к двери. В прихожей немного помедлил, не оборачиваясь. Таня подумала: он хочет, чтобы она его вернула. И она бы это, конечно, сделала, если бы было возможно прервать поиски Степы и не думать о Степе целую ночь, а затем целое общее воскресенье... В это время Степу будут перепродавать, убивать, шить из него воротник, о собаках и садистах даже мысли допускать не хочется... Не хочется, но придется.

– Спокойной ночи, Игорь. Спасибо, что приехал. Мы на самом деле здорово провели вечер. Мне было хорошо. Я обязательно тебе позвоню, когда что-то решится.

Все это она говорила Игорю в спину, а он дослушал, уже открывая входную дверь. Когда она закончила, он захлопнул дверь с другой стороны.

Таня прерывисто вздохнула. Услышала, как закрывается лифт, – почувствовала что-то вроде облегчения. Действительно, у нее столько дел, столько задач, которые надо попытаться решить. Срочно нужно выделить главные направления и создать какую-то систему. Но... Но как же обидно. Как невероятно обидно. Игорь бросил ее в трудную минуту. Степа, конечно, для него не так важен, как для нее. Но Игорь ее близкий человек, и он не понял ее беду. Не понял даже, что это беда, а не цирк с номерами черных котов и звонками шизофреников. Он бросил ее в беде, чтобы не портить свой выходной. Вот и она, та причина, которую она не нашла в течение пяти минут после его предложения руки и сердца. В горе и радости.

Таня подошла к столу, налила себе в бокал красного вина, выпила залпом. Она хотела растворить комок в горле. Она бы хотела поплакать, смыть обиду и продолжить делать то, что нужно. Но не получилось ни с комком, ни со слезами. Она вдруг подумала: может, с ней что-то не так? Сначала убежал Степа, теперь ушел Игорь. Бедный, беспомощный Степа. Игорь не раз просил его выставлять из спальни и закрывать перед малышом дверь. Говорил, что ему не по себе от того, что Степа смотрит на них, сверкая своими янтарными глазами. Он, правда, не только сверкал. Степа любил охотиться за руками и ногами Игоря. Веселый котик с чувством юмора. Каково ему было сидеть перед закрытой дверью? Нелегко, конечно. Но Игорю тоже приходилось подолгу ждать перед ее закрытой дверью. Она, кстати, до сих пор не дала ему ключи от квартиры. Он не просил, а она растягивала царство своей самодостаточности. И ждал он, потому что она забывала о том, что он ждет, и сидела допоздна в кабинете над своим проектом. Ей хорошо работалось, когда все расходилось. Он сегодня первый раз пришел без звонка... Плохой получился у Тани результат. Анализ того, что уже не изменить. Она провела ладонью по сухим глазам.

– Я не плачу, – шепнула она себе. – Я плачу. Расплачиваюсь. За эгоизм.

Она быстро убрала со стола, умылась. Неуверенно и с надеждой посмотрела в сторону кровати. В принципе надо бы поспать. Но как это возможно? Особенно теперь, после того как ее бросил Игорь. Таня включила компьютер и набрала текст объявления: «Нужна помощь в поиске кота. За вознаграждение». Бросил Игорь так бросил. Есть и другие люди на свете. Она успела разместить текст в трех местах, когда раздался звонок.

– Нужна помощь в поиске кота?

– Очень.

– Какое вознаграждение?

– Какое скажете. Как вас зовут?

– Алексей, можно Леха. Скиньте мне на этот номер фотку и ваши объявления, если есть.

– Хорошо. Сейчас.

Таня выполнила распоряжение Лехи и только после этого подумала: а вдруг это именно перекупщик и есть? Или тот, который отдает на притравку? Она набрала номер Карины.

– Я не поздно? Вот у меня такая ситуация со Степой... Я не сделала глупость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.